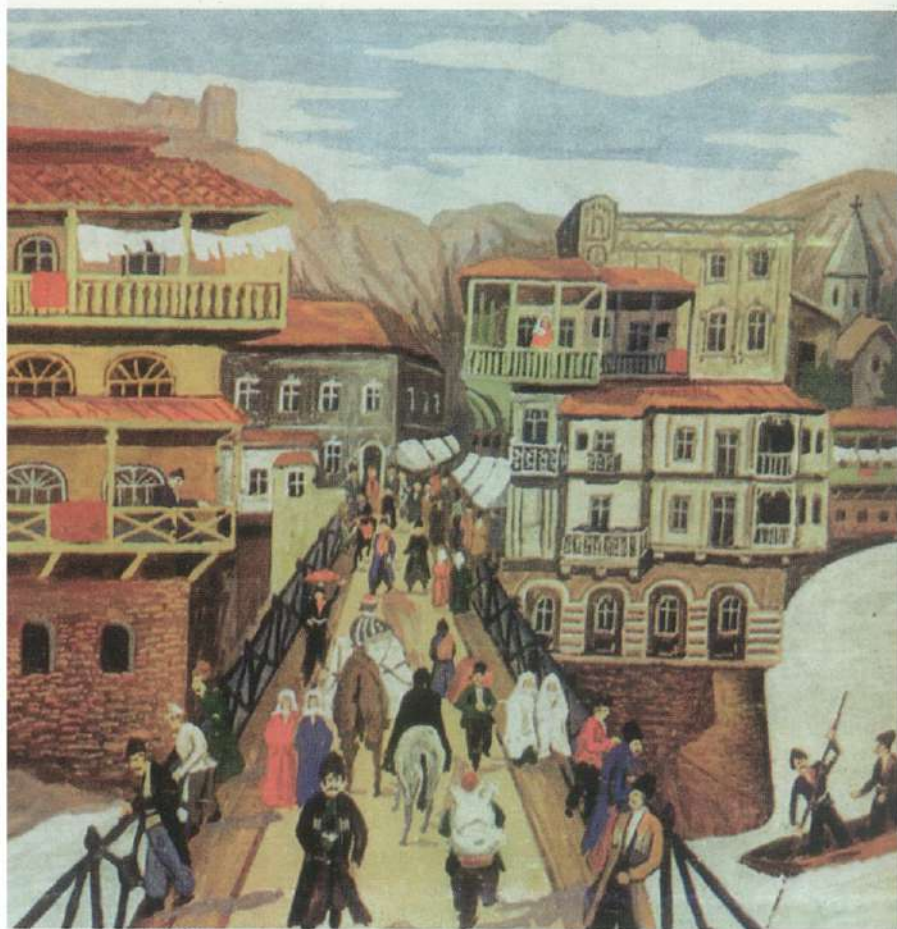

АРСЕН ЕРЕМЯН
АВТОГРАФ

Стихи разных лет

Посвящается моей семье

Печать свою на мне прожгите, мастера!

Егише Чаренц

АРСЕН ЕРЕМЯН
АВТОГРАФ

Стихи разных лет

Тбилиси
2007

На обложке – «Старый Тбилиси» В.Элибекияна;
деталь двери книгохранилища Матенадаран.

© Арсен Еремян
ISBN 978-9941-0-0182-6

ИЗ ПРОЗЫ УШЕЛ В СТИХИ

Безусловно, врожденная, природой дарованная благодать, когда человек с первой встречи запоминается навсегда. Десятилетия прошли, как Арсен Еремян и я окончили филологический факультет (он – русское, я – грузинское отделение) Тбилисского государственного университета, но то первое впечатление живо в памяти.

Нашим общим увлечением и любовью была поэзия. В знаменитых университетских стенгазетах «Пирвели схиви» («Первый луч») и «Литературный листок» мы читали написанные нами стихи и уже тогда обнаружили родство наших душ.

С ним на курсе были также талантливые ребята, к сожалению, рано ушедшие из жизни, Леван Челидзе и Картлос Хотивари; оба внесли значительный вклад в развитие грузинского кино. Вместе с ними учился и успешный сегодня деятель искусства, замечательный кинодокументалист Гия Чубабрия. Перенесшее невзгоды военных лет детства, наше поколение тогда только расправляло крылья, исполненное юношеских мечтаний, с надеждой смотрело в будущее.

Я прошел довольно долгий и тернистый жизненный путь, и смело могу сказать: мало встречал таких, как Арсен Еремян, добрых, душевных людей. Редкий, отличный от других, блеск слегка прищуренных глаз придавал его улыбающемуся лицу своеобразный свет.

Шло время. Автор прекрасных стихов, он почему-то отошел от поэзии, стал известным журналистом; предметом его второго, не менее сильного увлечения стал спорт – он часто публикует неординарные, неизменно интересные статьи о наших именитых спортсменах, и в них остается многосторонне образованным литератором, поэтом. В этом всех убеждает его новый, блестящий сборник документальных рассказов и очерков «Гром победы», эта сжатая до предела малая летопись грузинского спорта XX века.

Я вовсе не удивился, когда два года назад услышал от Арсена: его вдруг посетило неодолимое желание писать

стихи, и за короткий срок он написал целую книгу. Я тогда еще назвал это подвигом.

Недавно прочитал эту книгу – с удовольствием и радостью. Радует, что Арсен Еремян полностью сохранил детскую непосредственность и правдивость, что, по мнению многих, верный признак истинного таланта; ни в одной его стихотворной строчке не ощущается фальшь, назойливая патетика; одна печаль по упущенному в волнах времени, что характерно для каждой эпохи. И это чистое движение души, грустная тональность не миновали лирику моего друга.

По этой книге можно убедиться, как Арсен Еремян – коренной тбилисец – безмерно любит перенесшую сотни различных потрясений Грузию и как почитает он такую же многострадальную свою историческую родину, Армению, чье далекое прошлое по прошествии лет оживает в его воображении библейскими мотивами и грандиозными картинами в наилучших стихах.

Не все стихотворения сборника (и это обычное явление) написаны с одинаковой силой и мастерством. Автор иногда (мне кажется, сознательно) меньше внимания уделяет ритмике стиха, местами излишние прозаизмы улавливает слух, но эти мелкие неточности не умаляют удовольствия, получаемого от общей картины, с такой непринужденностью созданного чарующими поэтическими образами желаемого настроения.

Арсен Еремян по своему душевному строю романтик, а это редкость в сегодняшнем прагматичном, отмеченном неверием, жестокостью и цинизмом времени, когда непосредственность, добро, искренние человеческие чувства выглядят отсталыми в глазах лжеэнатов и мнимых авангардистов.

Написавший эту книгу безгранично любит живую природу, людей, все то, что прекрасно и составляет вечную красоту жизни.

Невольно вспоминается очень своеобразное творчество тезки моего друга – талантливейшего русского поэта Арсения Тарковского, который на протяжении лет не печатался, и чьи отмеченные высоким мастерством сочинения один критик изящно назвал «поздней зрелостью».

Эту характеристику можно смело отнести и к Арсену Еремян, чья поэтическая осень предстала очень щедрой, плодоносной. Нисколько не сомневаюсь: его чистая поэзия сама, без какой-либо рекламы проложит путь к сердцам ее истинных ценителей, как его проза, книги.

Незапятнанная жизнь и творчество Арсена Еремяна имеют своим бессменным проводником проповеди Христа и апостола Павла о божественной любви; и общающи-

ся с этой благороднейшей личностью, близкие не могут не вспомнить мудрое наставление наших предков: «Не теряй ни старого пути, ни старых друзей».

Никогда не отрекись от такого преданного друга и единомышленника, как Арсен; он давно стал частью моей жизни, и я горжусь тем, что в нашем городе ходит, мечтает и творит человек, который всегда старается чем-то порадовать ближнего, облегчить ему пребывание на этой грешной земле.

Дай Бог нам побольше таких людей!

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

8 октября 2005

стихотворения и поэма

В. Маяковский

QUO VADIS

Страннолюбия не забывайте;
ибо чрез него некоторые, не зная,
оказали гостеприимство Ангелам.

*Послание к Евреям
Святого Апостола Павла 13:2*

Задай вопрос себе как странник,
Куда идти, свой крест нести.
Как под ногой тропа блестит,
Как далеки края пространные

И та земля обетованная,
Где тебя примут не ропща,
Утрут власами твои раны,
Не осуждая каждый шаг.

Рай потерять – проделки змея,
Брести, не оставляя след,
Своих усилий не жалея,
Не сорок – много больше лет.

Неопалимый куст найти,
Извечные прочесть скрижали,
Но снова мысль тебя ужалит:
Куда идти, куда идти?

НЕСМОЛКАЕМАЯ НЕМОТА

Мы жизнь расщепляем на мелкие цели,
Не слушая, с чем не согласен наш разум,
Как будто ее кто с начала отмерит
По новому разу, счастливому разу.

Зовущего молча никто не услышит.
Замерзнешь – так «Беккер» пойдет на дрова.
Луна-акробат забралась выше крыши
И смотрит с опаской в колодезь двора.

Услышат ли голос – где взять командирский?
Дадут ли подмости – играть свой «Разгром»?
За давностью лет отклонят наши иски
За слезы, дома и вселенский погром.

Играй, коли Бог наградил тебя слухом.
И не было более царской награды.
Разгром обернулся победою духа –
По топям провел ты стихи, как отряды.

АВТОГРАФ

В бездонном небе след оставил
Бесшумный лайнер надо мной
И философствовать заставил,
Что лучше – гром или покой.

Тот след растаял понемногу,
И небеса опять чисты.
Нас происшествие не трогает,
И самолета след простыл.

И вроде шумным путь мой не был,
Так пусть уделом будет мне
Оставить свой автограф в небе
И раствориться в тишине.

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

Г. Чогошвили

Дважды не войдешь в одну реку,
В редакцию можно войти,
И знают потомки абреков,
Как деньги на спирт найти.

Сверяя часы не по Брежневу,
Я снова ни свет ни заря
Спешу к тебе по-прежнему,
Старушка моя «Заря».

Тебя не бросил, как многие.
Не топчу заповедный Арбат.
Все ищу я свою дорогу,
И легка на подъем арба.

Толком не зная натуру,
Главное прочитав между строк,
«Ступайте в литературу!» —
Сказал мне профессор-пророк.

Дескать, глаз его алмаз.
Не рискуя, не пьешь шампанское.
Но я остался в который раз
Дон Кихотом, не зная испанского.

Времена на дворе иные
Подводят к роковой черте.
Надолго меня окрылили
Слова ваши добрые те.

Болевший за меня профессор
Стал потом академиком,
А я не ушел от профессии,
Вселенской ее эпидемии.

Остался слугой двух господ,
Не вникая особо в интриги,
И соломинка мой плот
В бушующем океане книги.

Поддавшись отраве пагубной,
Идя в свой последний бой,
Я снова матрос на палубе
Пьяного корабля Рембо.

Сыплют годы, как зерна граната.
Круг друзей поредел.
Снова взрываюсь гранатой
На тысячу мелких дел.

И вновь оступаясь в лужах,
Временами переходя на кроль,
С ужасом обнаруживаешь,
Что ты не голый король.

ТВОРЧЕСТВО

Бессонница заела,
Все мысли невпопад,
И дождь стучит несмело,
Совсем не так, как град.

А за окном потемки
И ни души вокруг.
Я сам такой негромкий,
Допущенный на круг.

Вокруг все незнакомо,
И всем не до тебя.
Ты словно в немой коме,
А мысли теребят.

Как ждут все новых песен
И смотрят дерзко в рот,
Когда тебе невесело
И дел невпроворот.

И хочется и колется,
Не можешь — не дыши,
Вернуться б за околицу
Недремлющей души.

Там чудом слов захваченный
И упиваясь властью,
Ловлю я миг удачи
И вдохновенья страсть.

И что нам до карьеры,
До жизни лет за сто,
Когда зовет к барьеру
Рабочий стол.

МУЗА

Как белка свалилась на голову,
Слезой стекла по сосне,
Сквозь годы духовного голода
Стихами открылась ты мне.

Засовы, завалы, запруды —
Вокруг очарованный лес.
И помощи ждать ниоткуда,
Все водит кругами нас бес.

Мне боязно: вдруг потеряюсь,
А что если дара лишусь?
Останься бессрочной реальней,
Как чуткое эхо в лесу.

СЛОВО

Хорошо придумать слово,
Чтоб к тебе навек пристало.
Так однажды Марко Поло
Строем нолики расставил.

Крестным став миллиона,
Не гася познания пыл,
В Поднебесную за солнцем
И богатством он поплыл.

Где ревушие широты
Обдают миллионом брызг,
Не спасуют мореходы,
И расчет стирает риск.

Горы небо подпирают,
Подменяя миллион рук.
За морями врата рая,
Ласки ветреных подруг.

Закисают в жизни сонной,
Сводит скукой скулы, рты.
А миллионы, а миллионы
Приступом берут форты.

БЫЛОЕ

Уполномоченный газетой,
Фуникулером вздыблен ввысь,
На давнем празднике поэзии
С Москвою я без всяких виз.

Не знаю, я с какого боку
На этом пиршестве стихов,
Но сам и Доризо, и Боков,
И пригубил нектар богов.

Вот позабыв о южной лени,
Сам тамада, туюк хмельной,
Бросает нам стихи Есенина,
Как в кружку талер золотой.

Он снова наш, поэт московский,
И в этом вижу добрый знак,
И тают в дымке Долматовского
Любимый город, Пастернак...

Сидел он за столом напротив,
На расстоянии руки,
А Маргиани мне напомнил:
«Ты ешь – остынут шашлыки».

АЛЬТЕРНАТИВА

Висни в небе, как крепость Короглы.

Стой века и стихов не пиши.

Т. Табидзе

Пусть талант твой прорезался рано,

Ты стихом не стреножь свою речь.

Помни мудрый совет Тициана,

Как соблазнами пренебечь.

Не гони ты стихи вал за валом.

Негасимым Керемом горя,

Хоть один сотвори, чтоб обвалом

Громовым отозвался в горах.

Видно, прав был поэт, пророча:

Если мужества в книгах нет,

Предпочтет нам потомство мацонщиков,

Коль сошелся на них клином свет.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Не изменив своей привычке
Писать неторопливо в стол,
Когда прочувствуешь ты лично,
Что вещь готова на все сто?

Ты ведь не первый, не последний,
Кто нетерпением горя,
Себя корит за промедление
И мысль не шпорит, как коня.

В хозяйстве чинно и картинно
За частоколом тесных слов.
Но книга, книга не картина —
Уходит в стол, как пуля в ствол.

Таится с давних пор заряд,
Ложась на сердце грозной гирькой.
А рукописи не горят,
Сгораешь ты, корпя над книгой.

ИРОНИЧНО

К Земле мы близкими привязаны,
И обязательства немалые.
Не отдыхали мы под вязами,
А вот титанами не стали.

И всюду клин, куда ни кинешь,
Не избалованный победами,
И растеряешься, прикинув,
Когда в последний раз обедал.

Не надо хныкать и загадывать,
Что день тебе готовит завтра,
Ведь можно вырваться в галактику,
Не пребывая в астронавтах.

А небеса все та же книжка,
И книжка те же небеса.
На старте засиделся слишком
Я собственной мечты вассал.

И проиграв, хоть не играл,
С одной-единственной фишкой
Иду, как слон, в игорный зал
И банк держу на эту книжку.

Хоть никого не удивите
В век атома и электричества,
Посторонитесь, отойдите –
Иду на первую космическую.

ДАНТЕ СЛАВИЛ БЕАТРИЧЕ

Яд стихов познав когда-то
И меня имена,
Мы любимым самиздатом
Посвящаем письмамена.

Данте славил Беатриче,
Лауру воспел Петрарка.
В девах не найдешь различий,
Коль целуют они жарко.

С музой флирт ведя бесплодный,
Все пути испробовав,
Покоряем благородством,
Пропадая пропадом.

Слава призрачна, бесплотна,
Есть она иль ее нет.
Гениально творит плотник,
Коль душою он поэт.

* * *

Нет в своем отечестве пророка.
Зная это, зря не суетись.
От труда не жди большого прока,
Не смотри на факты сверху вниз.

Жизнь проходит тихой сапой буден.
Где вы, рая впереди врата?
Судя по всему, наградой будет
Сдержанная похвала врага.

Нет в своем отечестве пророка.
Кто-то вознесен, а кто-то сник.
Но тебе воздастся ровно столько,
Сколько вещие раскроют сны.

ЭВАРИСТ ГАЛУА

Наследия моего
тетрадка одна
наберется.
Может, кто
найдет его
стоящим.
Соберет он
записки
и прочтет
непредвзято
уравнения
алгебраические,
выведенные
когда-то.
А пока
пишу торопливо —
до рассвета
сжато
время жизни.

СВОЙ КРЕСТ НЕСТИ

Уйти, учеников оставив,
Свой крест на Голгофу нести.
Кто утешительной октавой
Им будущее возвестит?

Когда с мечом Твой ученик
Отрекся трижды, руки грея,
Опережая птицы крик
Притворством Дориана Грея,

Одна богиня Панацея
Оберегала каждый шаг –
От колыбели к мизансцене,
В которой устают дышать.

Кто душу за тебя положит?
Рабы, придверницы одни.
Шагреневой растают кожей
Судьбой отмеренные дни.

ЗЕРКАЛО

Уходят годы пароходами,
Теряя контуры за дальностью.
Устав ждать милостей природы,
Смиримся мы с этой данностью.

Но по весне с победной точкою,
Пройдя и стужу и туман,
Увидишь в девушках лишь дочку,
Не понимая, чем ты пьян.

И только зеркала укор
За то, что все-таки ты выстоял,
Как жертву выбрав и в упор
Тебя сразит бесшумным выстрелом.

МЕЧТА

Как хорошо стать равнодушным,
Уйти в заботы с головой,
Знакомых привечать радушно,
Когда с утра ты сам не свой.

Не взяв на душу тяжкий грех –
Назавтра отложить работу,
Ты не отрестишься от всех,
Впрягаясь в лямку, нем как робот.

И наступив на те же грабли,
Не видя раз, не видя два,
Ты пригорюнился, как Чаплин,
Кураж транжирия на слова.

ЗАВИДУЮ ВЕТРУ

Ветер грубо ласкает деревья,
С плеч сорвав их девичий наряд.
Слышу я, как о чести потерянной,
Словно сплетницы, галки галдят.

Стать бы снова беспечным, как ветер.
Спутать все, что могло быть и было.
Отличиться в глазах всего света,
Чтоб меня никогда не забыли.

Забыли.

ГОНЕЦ

Не пишется проза, не пишется.

К. Симонов

Не надо винить одни нервы,
Валить на них все грехи.
Выходит, что я не первый
Из прозы ушел в стихи.

Стремление сказать покороче.
Как времени краток предел,
Когда вокруг наворочена
Уйма отставленных дел.

Никак не забыть про это:
Нам часто сдается вдруг,
Бежим мы одну эстафету,
Приняв из усталых рук.

И как бы ни было трудно
Достойно пройти до конца,
Пульсирует мысль неотступно:
Надежда не выдаст гонца.

ВЫЗОВ

А. Бомбару

Моряк и врач, по своей воле
Он оказался за бортом.
Так часто мы себя неволим,
Чтоб не раскаяться потом.

Он налегке в вояж пустился,
Не взяв тогда с собой на борт
Еду-питье – решил поститься,
Имея лишь крючков набор.

Вода, вода, куда ни глянешь.
Пей – не хочу, водичка дрянь.
Вокруг ее никчемный глянecь
И полный рыбы океан.

«Еретика» приведя в гавань,
Он доказал, от ветров пьян,
Не так уж страшен океан,
Если продержимся мы с вами.

Решают первые минуты,
От страха умирает люд,
Когда вода зальет каюты,
В ад превращая их уют.

И только сильный и упрямый,
Не думая про славы медь,
Бросает вызов океану,
Чтобы на суше не ржаветь.

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Как домик карточный он ломкий,
Рожденный в муках рукотворный замок,
Пока не зная гибеллинов громких,
Готовых анфилады его занять.

Копья ломаются, ржавеют алебарды,
Верой служа хозяевам и страже.
Свои стихи непросто вспомнить бардам
И посторонним ничего не скажут.

Издавека волной прибились строки,
Толкнулись и рассыпались прибоем,
И то, что сторяча ты судишь строго,
Непреходящей остается болью.

ОГНИ

Бывало, в ночи беспросветной
Томанят, блеснув, огни.
И кажется, ночлег где-то,
Да темные версты одни.

Ослабевает вера в удачу,
И меньше о себе мнишь,
Когда ничего не значат
Обманные впереди огни.

И сам ты от цели далекий,
И кануло все в злую мглу,
Бегут обещаний сроки,
И снова приметы лгут.

ИСТИНА

«Не сиди ты один дома, —
бросил мне сын в сердцах, —
и где все твои знакомые,
близкие на словах?»
Конец сумасшедшего века,
друзей и еды дефицит,
но звание человека
никто не сдавал в лимит.
А жизнь идет как положено.
Не любитса — не взыщи.
И камнем добро обернется,
выпущенным из пращи.
Меня, как заглухшее эхо,
все реже зовут на ужин.
Думают, что уехал.
Или еще хуже.
Но далью манит дорога,
свеж ты или устал.
Не будем судить строго,
вспомнив партийный устав.
Истина посередке.
Вера — мой меч и щит.
Стоит ли грызть глотки,
если можно дружить.

НОЧЬ ТЕМНА

Что ни год своя рана.
Вспоминаются горы зла.
Мне сегодня приснилась мама,
Через город с работы шла.

Пряталась в облаках луна.
Не докричаться и не отбиться.
А улица так темна,
Как душа убийцы.

И кому-то правда нужна,
Как повешенному веревка.
Мама шла, а кругом война.
Светомаскировка.

ОБ ОДНОМ ЖАЛЕЮ

Намаялась в очереди,
уронила в щель дощатого пола
два оплаченных чека
липких конфет-подушечек.
Обещала чек мальчишке —
детские пальцы тоньше.
Сколько было потерь,
а вспомнилась эта,
пустячная.
Мама,
с пятнадцати лет сирота я,
не защищенный тобою.
На судьбу не роптал.
Что-то сам упустил,
в чем-то меня обделили.
Об одном жалею:
поцеловать не успел
руки твои,
с обломанными ногтями.
Пол в магазине был в щелях.

ОТЦУ

Прощай, прощай! И помни обо мне.

У. Шекспир. «Гамлет»

Большой мороз, и скоро полночь,
Как пес, приляжет на пороге,
Но пушка сон прогонит прочь
Во славу короля в чертоге.

Дозор. Площадка. Эльсинор.
Принц Гамлет. Друг его Горацио.
Открылась тайна давних пор,
И принц клянется отыгаться.

Завидую ему. Ведь он
Увиделся с отцом, хоть с тенью,
И знаньем о предательстве ведом,
Неудержим в сыновнем мщеньи.

Я не застал твой смертный час –
Минуты развели невольно.
Как мы медлительны подчас,
Как много слов не договорено.

Но память сына мне порука.
Ты снова молод, без изъяна.
Сидим в партере рука об руку
На бенефисе Папазяна.

СТАРОЕ РУЖЬЕ

Подводной лодкой всплыло в памяти
Ружье отца, подруга старая.
Картинка кружит снежной заметью,
Не отпуская, как ни стараешься.

С ружьем на вскидку не шел на зверя.
Отец, и мухи ты не обидел,
Не обольщаясь легким трофеем,
Здоров был духом и цели видел.

В час испытанья ружье взял в руки,
С малым отрядом квартал прикрыл ты,
И в правом деле нам честь порука,
На отстающих не грех прикрикнуть.

Ружье так классно было подброшено,
Как в первом акте волей классика.
Стрелой, отравленной индейским касиком,
Стучится в сердце, как гость непрошенный.

Спектакль окончен, дали занавес.
Не грянул выстрел ружья натужный.
Видно, забыли, и порох вышел весь.
Воспоминаньем прощай, оружие!

СЧАСТЬЕ

Года событиями выстроив,
Один я в церкви без икон
На книги помолюсь неистово,
В их веру снова обращен.

Я ухом к памяти приник
И тпущь отца услышать снова,
Готов уйти из мира книг
Ради единственного слова.

А счастья в этой жизни нет,
Прельщают нас его зарницы.
Толстого помните ответ
На то, что часто счастьем мнится.

Так Бунин эмигрантом в Грассе,
Входя, крестясь, в наемный дом,
Зарницы слышал те безгласные,
Кронштадтских пушек громче гром.

Цените их, живите ими.
Зарницы – дети все грозы,
Лишь на мгновение живые,
Нас озаряют, как призыв.

МАНГЛИСИ

На верхнем шоссе режут авто –
жизнь поспешает рядом.
Сюда к тебе не придет никто,
тебе ничего не надо.

Простая плита на пыльном холме
выжмет слезу на глаза.
Двоюродный брат, ты ближе мне,
когда я родного не знал.

Горы Непала свернуть готов,
на гранит надгробий – Тибет.
Я слышу звон полевых цветов,
принесенных ветром тебе.

Пришел я снова в эти места.
Твой последний приют.
Нет рядом отца. Отец был стар,
и меня не узнают.

БРАТ

Он катастрофы жертвой стал,
не будучи убит в Битлисе.
Свой кров он беженцам отдал –
отцову дачу на Манглиси.

Вершины знаний победив,
он не гадал, где всех полезней.
Других спасая от беды,
не уберется от болезни.

Кровавый шабаш застал он,
каких доселе мы не знали.
И снова тени за столом,
а их взаправду убивали.

А ТЫ МОЛЧИШЬ

Вчера одарила днем, жемчугом полным,
Радости перебрала на год вперед,
В мир вошла, как солнце огромное,
Забыть заставила времени отсчет.

Ищу тебя, что была рядом,
Не ту другую, что сейчас далеко.
А ты молчишь, будто так и надо.
Будто вынести это легко.

Вчера был царь. Сегодня гол, как нищий.
Собрав возможностей последние крохи,
Отдам все тем, кто тебя отыщет
В этом безумном переполохе.

ГЛЯЖУ НА ТЕБЯ ИЗУМЛЕННЫЙ

Бывало, выйдет на улицу –
Взрывается улица вслед,
И ты поневоле жмуришься,
Даже во сне.

Я сам от нее страдаю,
От этой взрывной волны.
И погибаю, и радуюсь,
И быть не желаю иным.

Гляжу на тебя изумленный
И распахнув глаза.
Откуда такая влюбленность
И чем я тебя привязал?

Не станет с годами богаче
Наш быт, но горим и творим.
Я снова теряюсь, как мальчик,
Тебе объясняясь в любви.

На жизнь никогда не жалуюсь,
Не замечая годов,
Я с прежним мальчишеским жаром
Ее повторить готов.

Не в силах ветрам незнакомым
Блеск твоих глаз притушить.
Радует в моем доме
Калибр огромной души.

Живу арсеналом прикрытый,
И сказкой становится явь.
Не зря моя жизнь прожита,
Если встретил тебя.

ТАЛИСМАН

Как будто снова в детство брошен,
Мираж в пустыне громоздя,
Мне лезут в голову непрошены
Твоя улыбка и твой взгляд.

И заблудившись в своих чувствах,
В трех соснах, как в глухом бору,
Ищу у равнодушных чуткость
И на душу грех не беру.

Освободиться тщетно силюсь —
Найти в тебе одну черту,
Отталкивающе-некрасивую,
И вижу, что напрасный труд.

Свои ошибки лучше видишь сам,
Переноса на чистый лист.
Изящной яхтой ты мне видишься,
Безмолвной на краю земли.

Идешь далекая, красивая
На Адлер или на Батум.
Я угадать тебя не в силах,
Не жалуясь на слепоту.

И самому не больно нужный,
Сам продираясь сквозь туман,
Шепчу губами непослушными:
«Храни меня, мой талисман».

ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА

Как мало пройдено дорог
И сколько сделано ошибок,
И не пускают на порог
Тех, кто остался на отшибе.

А есть ли в том моя вина?
Я за собой ее не чувствуя,
Пьянею, не хлебнув вина,
От навалившегося чувства.

И для меня ты вновь одна.
Хоть и без маршальского жезла,
Стою у твоего окна,
Да только вот свеча исчезла.

СОЛЬВЕЙГ

Ты вся, как увлекательная книга,
И я спешу страницы просмотреть.
Непредсказуема и глубока интрига,
Хоть книга не прочитана на треть.

Мир так устал от сверхопасных игр,
И правит зло, куда ни бросишь взгляд.
Любимая, ты вечная как книга,
И этих слов я не возьму назад.

Во сне такая разве что приснится,
Но и во сне поспорить я готов:
От стаи ты отбившаяся птица
С далеких и неведомых миров.

Останься увлекательною книгой,
Ее мне хватит на безумный век.
Звучит в душе бессмертной драмой Грига,
Песней любви красавицы Сольвейг.

ТАК И НАДО

С глаз долой – из сердца вон,
Говорят, а я не верю.
И в окно любовь войдет,
Коль ее прогнали в двери.

Сядет молча у окна,
Поглядит насмешливо.
Стала для тебя одна
В целом мире женщина.

Та, которую не знал
Тыщу лет и боле.
Купидона немой залп,
Провозвестник боли.

Окажись ты под огнем
Жалящих орудий,
Не услышат этот гром
Все чужие люди.

Левый бок зажав рукой,
Уж не жди пощады.
Если ты сражен стрелой,
Значит, так и надо.

МГНОВЕНИЕ

«Мгновение, повремени!»

И.В. Гёте

Орфея откровение в Веймаре
Иль кем-то сказанное ранее,
Ты суть восторг и озарение
И как бальзам сердечной ране.

Я не завидовал другим,
Не наблюдал успех их с грустью,
Но белым ангелом храним,
Желал постичь фотоискусство.

В охотку перебрать архив,
Пшеницу отделив от плевел,
Подметить сходство древних Фив
С Тифлиса безысходным пленом.

И до конца пройдя свой путь,
Где мед в отместку сдобрен ядом,
Хотел бы я наш май вернуть,
Увиденный влюбленным взглядом.

ВОЗВЫШЕННОСТЬ

Мы ждали на горе автобуса,
А он замешкался в пути.
Он за пять гривенников с носа
Наверх рядился подвезти.

Стояло вровень с горой облако,
В нем окуляром чей-то глаз,
И в состоянье полуобморока
Немедленно отправил нас.

Вот яхтой облако скользнуло,
Будто подняли паруса,
Там по команде Вельзевула
Незримо ладился аврал.

В безмолвьи вечного покоя
Услышал трепет я ресниц,
И ни о чем уже не споря,
Перед тобой склонился ниц.

Курился ладан в Мухаттверди,
И с ветром спорила свеча,
А Реквием маэстро Верди
За все прощением звучал.

РАЗЛУКА

Жду тебя из северной столицы.
Видишь, календарь протер до дыр.
Разве что кошмаром может сниться —
Звать во сне, оповестив весь мир.

Боль чужая мало кого трогает.
Как свою в тираду воплотить?
Верю я, ты послана мне Богом
Ангелом небесным во плоти.

ОДИНОЧЕСТВО

Я умираю без тебя,
и ты не знаешь,
что наша жизнь не театр,
а шутка злая.

Как пусто стало на земле —
Шекспир не нужен.
Смерть реплику бросает мне:
«Прерви свой ужин».

Ты не услышишь мой ответ,
угасший в шуме.
И не спеши, меня уж нет.
Я, знаешь, умер.

СКАЗКА

Я стреляю по целям.
Недолет, перелет...
И царевна-лягушка
Мне стрелу не несет.

Искушая судьбу,
Про себя замечаю:
Завалил я стрельбу,
Стрел уж мало в колчане.

А по сказки раскладу
Ждет героя награда,
Но ее мне не надо,
Ведь царевна-то рядом.

* * *

Не ревнуй меня без нужды
За прорвавшиеся строки,
Ведь другим мой стих не нужен,
Говоря предельно строго.

Отметая все упреки,
Прохожу слепым Гомером
Меж красавиц волооких –
Независим в высшей мере.

К ВНУКУ

Звезды с неба не хватая,
Мэтра из себя не корча,
Все ж тебя бы воспитал я
По Янушу Корчаку.

Пулей мечен был в войну,
В лихолетье годов горьких.
Помнил взрослых он вину,
Цену слез и хлебной корки.

И печальней скрипочки
Правда слов негромких:
Только встав на цыпочки,
Вровень мы с ребенком.

Дальше Альп, снегов Савойи
Раскидала нас судьба.
Все премудрости освоив,
Как раскрутишь ты себя?

НОВОГОДНЕЕ

Два словаря и больше ни шиша
Я смог послать тебе в сочельник,
И яркою оберткою шурша,
Ты не решил, что дед бездельник.

Не грабил я и слабых утешал,
Что в полушаге от инфаркта,
И сто пудов бумаги исписал,
Гоняясь за ничтожным фактом.

А словари бестселлеры всегда
И помогают объясняться,
Когда оставшись без наград,
Ты все же в силах улыбаться.

Оказия нашлась с большим грехом,
И пополам он с чем-то важным.
Захочет кто казаться лопухом
В кругу встречающих сограждан?

Какой бы ни был этот год Козы,
Приемли ты его под чарку.
Улыбчив будь и близким не дерзи,
Когда задержатся с подарком.

КАПИТАНЫ

Над площадкой близ Метехи
Облака армадой шли.
Капитаны в час утехи
Проводили корабли.

На тропинках, уже турьих,
Оставляли мы следы.
Угощались хачапури,
Лучше не было еды.

Становились за штурвал,
Обходя ловушки-риффы.
И не так уж страшен вал,
Что шумит у Тенерифа.

Как же наши корабли
Оказались на мели?
Видишь, даже гора плачет,
А могло быть все иначе.

Через годы мы вдвоем
К той горе еще придем,
Где грунтовая водичка
Проливается дождем.

Не ища в стремнине брода,
Ты в порыве вдохновенья
Этот феномен природы
Называл горой теченья.

Подставляли под капель
Кто черпак, а кто и кружку.
Ты глаза смочи, не пей,
Говорила мне старушка.

Знаю твердо, что нельзя.
В чудеса давно не верю.
Радость вылечит глаза,
Только ты откроешь двери.

ДОРОГА К ХРАМУ

Строкою занесен в реестры
Домов, историей отмеченных,
Наш — дирижером средь оркестра,
Приметный и в морщинах трещин.

Приводят улицы раструбы
К церквам нагорного квартала.
Непроизвольно шепчут губы
Слова молитвы и хорала.

Дал имя улице костел,
И думалось тогда — навечно.
Его на карте я нашел
И открываю каждый вечер,

Свой путь держа к родному дому.
Ориентиром льва в пустыне.
А ты доверилась иному —
Гирляндам озорной глицинии.

Она поспорит с цветом глаз,
Хоть не уверена в победе.
О, как же долго ты не шла
По этой голубой планете.

ТОЧКА

На древней улочке Кашена
Косит ореха ствол увечный,
И слева – в церкви Норашена
Не возжигают Богу свечи.

Художников прельщает точка –
Гору венчает Нарикала,
И кем-то прерванные строчки
Зовут начать отсчет сначала.

Забуть в беспамятстве года,
Где к вековым своим истокам
Мы припадаем иногда
Средь сутолоки дней жестоких.

Как жаль, что с точки заповедной
Родительский не виден дом.
В нем хлебосольные обеды
Любил нахваливать бомонд.

Чужой беды так тянет ноша,
Забуты вкус и запах блюд.
И провожал уход непрошенный
Басовой грустью Меренблом.

И как с овального табахи,
С горячих крыш сама собой,
Кончая жизнь на пыльной плахе,
Тута планирует слезой.

ЛЕТО В ГОРОДЕ

В июле солнце жгло и жарило,
Стекало лавою на крыши,
И очевидцами пожара
Остались в городе мальчишки.

И от жары сбегав в Коджори,
Жирела спесь в ограде дач,
Не торопя арест нескорый
И вожделение передач.

А много ли мальчишкам надо.
На полки книг разинув рты,
Искали в островной Гренаде
Клады пиратской широты.

Жара алела и крепчала,
Ходить на солнце было адом,
Но библиотека нас встречала
Неординарной наградой.

Экскурсия в сад Ботанический.
Уйти в прохладу хоть на миг.
Я выдержал соблазн стоически
И обменял лишь стопку книг.

Достаток, что журавль в небе,
И не всегда найдет кто ищет.
Как часто черствый ломоть хлеба
Я размягчал духовной пищей.

Не верю в бескорыстность шефов,
Но если кто меня и спросит,
Я вспомню хороводы эльфов,
Тех книг нетающую россыпь.

ПИРОСМАНИ

Два духана бок о бок,
Словно зверь о двух спин.
Смысл остроты ребенок
Только взрослым постиг.

Мир обжорства и спеси
На шекспиров сюжет.
Власть нельзя куролесить,
Не замаслив манжет.

Так надменно высок,
Угодил кур во пси,
А копытом в висок
Бить жираф норовит.

И сошедши с клеенки,
Пиросмани в углу
Притаился ребенком,
Сам с похмелья угрюм.

ИСТОКИ

Р. Кондахсазову

Забыв неправедные годы,
Оставив дома сплин и грусть,
Готов в любую я погоду
Подъем твой взять, как Пти Эльбрус.

Мост миновав неспящим шагом,
Иду в район Сирачханы,
Где антикварен каждый камень
И раритетам нет цены.

Вхожу в красивые растворы,
И на пороге письма
Так выдают тбилисца говор,
Глядишь, Европа не нужна.

Сирачхана, твою ауру
Я в сердце унести готов,
Увидев профиль Азнавура
В кругу знакомых стариков.

Ничто не изменилось вроде.
Легенды собраны, как дань.
И в ремеслах как встарь угоден,
Без Никала шумит Майдан.

И гостем каменным в столице,
Не променяв духан на бар,
Царь Горгасал вознес десницу:
«Стой! Дальше – Авлабар».

ВЕРТИКАЛЬ

Рвались в небо крутые тропы,
С высотой лес не радовал глаз,
Но казалась гора высшей пробы
И Казбека и Гран Жерас.

На вершине руины церковные
И огарки забытых свечей
Вызывали обиду невольно
За приют этот вроде ничей.

В летнем лагере госторговли
На Удзо флаг несли без подстав.
Алый цвет его комом в горле —
Отрекается млад и стар.

Как тяжел флаг и груб на ощупь,
Как поднять его в гору сложно.
Родину не унести на подошвах.
В карманах, выходит, можно?!

САЯТ-НОВА

Ты всех в Межкунунов обратишь.

Саят-Нова

Тебе от церкви видно многое —
Майдан, Кура и Авлабар.
До глубины души растроганный,
Спешит на праздник сазандар.

Интрига встречи так ясна,
Сдаст свои права весна,
По туманьяновским заветам
Идем к тебе в преддверьи лета.

Склоняем голову там низко,
Где у священных древних стен
Башинджагановским эскизом
Прочертана могилы сень.

Тебе был свет дан в теплом городе
И в нем нашел свою судьбу.
Ширазом виделся он — родиной
Хафиза, Саади — сквозь бунт.

Песни твои гремят громами,
Ночь темную сменит заря,
И я в толпе, огромной раме,
Ее увидел — дочь царя.

Пусть злое слово не поранит,
А Бог отпустит всем грехи.
Поэты остаются с нами
И их бессмертные стихи.

В ХАШНОЙ

Не в электрических разрядах
И спевках ресторанных див –
Мы в хашной пообщаться рады,
Занудство лекций пропустив.

Стук кружек в сутолоке хашной
Не утихает столько лет.
Буфетчик выглядит вальяжно,
Стерев со стойки влажный след.

А годы не стирают слово.
Братья Табидзе оба живы,
Пробился свет стихов Паоло
Сквозь темень оговоров лживых.

В затылок выстрелили двери,
Как кулаком бьет в бок косяк.
Венчается в Кашвети Мери,
Мир обеспечен, как пятак.

Чей судный час настал – не знали.
Спешили к спящим воронки.
Опережая вакханалии,
Тюрьмою слыли Соловки.

Потомки палачей готовы
Держать зубами бастион.
В тбилисской хашной, сломлен горем,
Все ждет жену Галактион.

МАРТ

«Московской саги» крик пронзительный
Сменили па детей Арбата.
Как оказалось заразительным
Ославить то, что было свято.

Идти велела всем декан
На митинг смерти годовщины
Вождя — он в парке истуканом
Вознесся символом отчизны.

И мы пошли, как встарь шли викинги
На поиски тэрра инкогнита,
И драли глотки на том митинге
За то, что до конца не понято.

Мы останавливали в горе
Автомашины непорожные,
Как на пожар спешили в Гори
И к дому бедного сапожника.

Безлюден Коммунаров сад.
Фасад шербатый Дома связи —
Весной стучал свинцовый град,
Потом следы от пуль замазали.

Наперекор ветрам, дождю
Сухой Мост служит как когда-то.
Не стерлась здравица вождю
На камне, выстуженном мартом.

Стоят толпою одураченные.
Отвоевав газона кромку,
Торгуют бойко всякой всячиной
Да орденами славы громкой.

Менять на хлеб их негрешно.
На постаменте слишком пусто.
Жизнь повернуть вспять не дано,
Как в хрониках Марселя Пруста.

Но с высоты фуникулера,
На пьедестал вновь водружен,
Грозится им расправой скорой
Тот, кто пигмеями сражен.

«ПРОПАЛ МОЙ ПЛАТОК...»

Нас крутая судьба заносит,
Но забыть никогда я не мог
Теплый город, дымок папиросы
И потерянный этот платок.

Помню, вышли из серной бани.
По традиции выпить не грех.
И причина есть – наше свидание
Опоздало на много вех.

Дядя мой пропадал лет десять,
Незнакомый вернулся домой.
Подросли, стали взрослыми дети,
Можно выпить по рюмке-другой.

Ресторана того нет в помине.
Позабыли «Аршин мал алан».
Скоро справят по дяде поминки,
А пока с непривычки я пьян.

На столе шашлыки и хинкали –
Захмелевшего дяди заказ.
И глядит с высоты Нарикалы
Дом прадедовский в окна-глаза.

Сазандара десерт к обеду
Про потерянный чай-то платок.
На шальные червонцы безбедно
Около года прожить бы я мог.

Солнце щедро рассыпало искры.
Дым «Казбека» мне выжал слезу.
Как сверкают улыбки и икры
Тех, кто моет ковры внизу.

ПЛАЧ ПО ДЕРЕВУ

Пало дерево на улице,
На той, что Лермонтова,
А для меня оно все кружится
Воспоминанием об этом.

Как от инфаркта наземь рухнуло,
Схватаясь ветками-руками
За стену дома. Вскрикнув глухо,
Как птица, сшибленная камнем.

Под дерево давно подкапывались,
Подвала роя зал бездонный.
На иномарках вы подкатывали,
Трапировали тайной окна.

Построить дом вам не по силам
И сына сильного зачать.
И гибель дерева скрепила
Злодея Каина печать.

О том, что дерево стояло,
Напоминает мне воронка.
Как красотой оно сияло,
Загубленной рукой подонка.

Никто их ража не остудит,
Не выведет порочный круг.
Деревья бедствуют, как люди.
Как люди умирают вдруг.

РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

О фильме не зная заранее,
Хромая в проулках эстетики,
В тумане тону женской бани
И в омуте сексотехники.

Балдеют в участке от Стоун –
Жив основной инстинкт.
Сходит лавиной стонов
На чем киномир стоит.

Но откровением дерзким
Наплыв из далеких весей
Не миллионным ознобом секса,
Тайной откинутой занавески.

Стоя на лавке банной,
Без ложного стыда и смело
Смотрит в глаза мне Венера,
Рожденная из мыльной пены.

СТАКАН ВОДЫ

С лицом не по работе ангельским,
Не ощутив наживы зуд,
Стоял в саду он Александровском,
Что Коммунаров назовут.

Петка, как девушка, тележка,
На ней сифонами сироп.
И ни минуты не помешкав,
Он сочиняет нам ситро.

С его племянником мы дружим,
А три стакана не разор.
Мы газировку дружно глушим,
И каждый повторить готов.

Благословенна длань дающего —
Взамен не ждет он ничего.
И, знаешь, мы не стали пьющими
От угощения того.

Жизнь коротка. Желанья стерты,
Как наша школьная труба.
Мы сорок третьей все когорты:
Тот вышел в дамки, тем труба.

Потом нас часто звали в гости,
На хлебосольные пиры,
И не утнаться было просто
За газировкой той поры.

МКИНВАРИ

Вы вдвоем пуда соли не съели,
Не гуляли впотьмах до зари.
Помнишь, облако вроде присело
Отдыхаться на склоне горы.

Увлекла вас лавина близости.
Воды тише и ниже травы,
Не спеша из нимфетки вырасти,
Ты к нему обращалась на «вы».

Но сегодня смотав из памяти
Экстремальное это кино,
Через годы провалов беспамятства
Распахнул он в былое окно.

Снова спальный мешок им союзник.
Опьяняет простор высоты.
Словно спало с души бремя груза,
Палимпсеста ожили черты.

ОЧАРОВАННАЯ ДУША

Большевиков ужасный грех —
Для смеха и потехи
Открыть доступные для всех
В церквях библиотеки.

Не избежали доли злой
И фрески Норашена.
Проводки рваной бороздой
Изранен весь простенок.

Из посетителей тогда
Я был всех самый рьяный.
Столкнула летом нас судьба
Романами Роллана.

Обмен решили мы простой,
И было нам неплохо:
Мне с Очарованной душой,
Вам с бунтарем Кристофом.

Я очарован вами был
И сам вам интересен,
Но, дернул черт, судить решил
О брате неизвестном.

В науку рвались все тогда,
И брат вам очень дорог.
А жизнь обман и суета —
Я вспыльчив был, как порох.

Обидеть вовсе не хотел,
Но вышло очень плохо.
Ушли вы молча между тем
С моим же Жан-Кристофом.

Потерянное налицо,
Забытое вновь резко.
И ваше юное лицо
Овнатаяна фреской.

«САМАЙЯ»

Н. Тархнишвили

Самайя – танец для троих,
В то лето было нас не больше.
Столоверчение заброшено,
Забот хватает нам своих.

Столы убрали – не сезон,
Но чем не стол обычный ящик.
Полуночным костром газон
Стихом исходит настоящим.

Из самых летних ресторан.
Боль утоли, аптека Земмеля.
Нас позвала в такую рань
Тарелка хаши, словно зелье.

Стекляшка Ванды и Сеид,
На Руставели вас не видно,
Но бронзовый Шота стоит
Несокрушимо, как Мтацминда.

Не разводи водою стих,
Не разбавляй ты ею хаши –
Нам хватит всем, так мало наших.
По дну котла проходит Стикс.

В ГОРАХ

Все было внове, и приличный
Шаплык из горного козла,
И друг расстреливал привычно
Бутылки, как источник зла.

Вас было, помню, три сестры.
Когда же третья отстала
От белокаменной Москвы,
Куда по Чехову вы рвались?

Конец смешали вы с началом.
Злюбенность в летчика-певца,
И провожали и встречали
Посеребренного песка.

И был хозяином и гостем,
Как будто Пшавия мой дом.
И ладил по-житейски просто
Ручей с разросшимся кустом.

И мне нет дела до Гекубы,
Что там в плену она нашла.
Но сжатые полоской губы
Закрывали важные слова.

Не все сходилось в день рождения.
Мы, претендуя на размах,
Как ускользавшее видение,
Искали долго храм в горах.

На свист пастушеской свирели
Сбегали склоном, мятой высланным,
И падали, как на дуэли,
Сраженные злым выстрелом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В. Партугимову

Вот я вернулся на крути своя,
Отчий мой дом, крепость моя.

Есть переулок, а где же стена?
За акробаткой лозой не видна.

Спелую гроздью соседка в окне
Чью-то сестренку напомнила мне.

Старый художник там бедовал,
Стены «Симпатии» разрисовал.

Церкви Мугни заколочена дверь,
Дремлют шедевры в сонме потерь.

Вижу разор, не спешу удивляться.
Город растет и разрушается.

Годы умчались, истаяв как дым.
Мальчик вернулся на крути седым.

МЯ

живешь как умеешь, не хныкая,
что о тебе все забыли.
помню тебя как Хныкину,
надежда Двалишвили.

легендой тех лет оваянной
воспоминаньях храня.
развали тебя Офелией,
любовью шведского короля.

стареешь в кругу внуков,
ручек одна подняв.
сказывали тебе руки,
чемпионка вчерашнего дня.

от тоски никуда не скроешься,
уже в тайге потеряв.
слава, как седина в волосы,
век не покинет тебя.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ДОРОГИ

Уже слетелось воронье
На облюбованные вешки.
Копытом стукнул вороной,
Почуяв знак какой-то веший.

И растащить они спешат
То, что тебе с годами дорого,
И не плеснут воды ушат,
Как путнику перед дорогой.

А сам пока ты у себя,
В твоём до слез знакомом доме,
И фамильярно тербят
Тебя соседи незнакомые.

* *

олой лечаки, чихтикопи.
евчонки в джинсовом плену,
е повторяясь в тыще копий,
едут с одеждами войну.

акая призрачная мена –
а сорок сороков Москвы
тведать горький вкус подмены
а все, с чем ты не будешь квит.

ЗИМА

Как холодно в доме.
Я к печке присел,
Как в крошечной домне,
В ней плавится ель.

Все были при деле.
Вмиг дело труба.
За гранью предела
Не стоит труда.

Ну кто же меняет
На север свой юг,
Где солнце сияет,
На тысячу выюг.

Бросать так, как Разин.
Кругов не найти.
Мосты сжечь все разом
И в зиму уйти.

СХОД

рою книгу прилежно.
чего нелегки,
-под сора подснежником
орастают стихи.

рохода и книги
гь размеры, предел.
о-то ситной ковригой
пастись не успел.

о коврига – корзины
и роняли за борт.
роход не резиновый,
сь исход не вберет.

и в двадцатом по морю
одили в Крыму.
к спасались в Приморье,
жакки не поймут.

тни тысяч уехали,
ставаясь в плену,
к проклятое эхо,
минали войну.

е суди слишком ханжески,
звонь расстрельный обрыв.
о очень по-нашенски:
обрывом – отрыв.

ить по правде положено,
гвечать за грехи.
ак в прокрустово ложе,
гоняешь стихи.

НЕ ОГЛЯНИСЬ

Вспоминайте жену Лотову.

Евангелие от Луки 17:32

Ты дал зарок. Не оглянись
На то, что оставляешь дома,
И бедный скарб свой не кляни,
Уложенный на дно котомок.

Не оглянись, как жена Лота,
Переступив зарок свой личный.
Вам соляным грозят столпом,
Как наказаньем необычным.

Содом сметают ливни серы,
Огня и сонма прочих бед,
Но в чередѣ деяний серых
Ты помни ангелов завет.

* *

как давно в Армении я не был.
позови меня, как сына позови.
хотя бы мне теплый ломоть хлеба,
выпеченный с проблеском зари.

оры втиснуты в масштабы фотографий.
резиденция твоих царей Гарни.
чем-то мы кому-то не потрафили,
душа по-прежнему саднит.

потери, что в Арпе песчинки.
се закрыт для явки Арарат,
ковчег на склоне его льдинкой,
е сойдет со стапеля назад.

как давно в Армении я не был.
сроднее вроде потерял в горах.
гор легко дотронешься до неба,
о атлантам мера свой размах.

УЛИЦА ЧАРЕНЦА

*Первым репатриантам
Армении посвящается*

Иду я улицей Чаренца,
Что к Айгестану нас вела,
И память выкинет коленце —
Поднимет прошлого дела.

Заложник атомного века.
Но, право, что ни говори,
Во всей вселенской картотеке
Нет слаше слова Наири.

Страна садов и древних песен,
Сплошь образованных камней,
Сквозь вереницу зим и весен
Ты всех милее будешь мне.

Стучат по камню молоточки,
Как дятлы в каменном лесу.
Найдя с семьей опоры точку,
Вы повернули жизнь свою.

Как легок и отменно теплый
Твой туф, библейская страна.
Прокладывает сердце тропы,
А нам другая не нужна.

Не пожелай землю иную.
А эту поцелуй и тронь,
Такую жесткую, родную,
Как старой матери ладонь.

Иду я улицей широкой,
И где настигнет нас конец?
Так под ухмылку злого рока
Шагнул в бессмертие Чаренц.

ДЕКАБРЯ 1988

ь город на земле. Стихия злобной силы.
отвести ее, ни вообразить нельзя.
ютам видно все, пилоты сообщили
риемную партийного князя.

рмении разор... Прошли квадриги Красса?
новь в долинах слышен смерти зов,
истов не тронув огненных Минаса,
пошадил его земляков.

овавые следы убийцы-века.
ь угасал, закатом багровел.
е было на свете человека,
не скорбел и вас не пожалел.

им Мармашен стоит среди развалин.
: выстоял, моля небесный гром.
имволом и аттестатом стал он
смертия народа моего.

В АРМЕНИИ

Стадом мамонтов облака
Вытопчут охру гор.
Баранку взяв за круглые бока,
С дорогой ведем разговор.

Машину, шофер, как коня удержи,
Не отвлекай меня.
В прохладной долине лежит
Библейская страна.

Дорога раскрыта, как свежий лаваш.
А вот и гора Медведь.
Излишними будут все слова
И впору зареветь.

Севана закланного узкий плес
Отражает небес бирюза.
Не вижу за сотню шагов из-за слез —
Соринки попали в глаза.

* *

М. Шагинян

процентралаи слава вахты
 письма Re и ту сирень,
 ы вспоминали всеохватно
 ро свет и тень, про свет и тень.

ужду деля с сестрою вместе,
 то с детства так привычно нам,
 ружили с Гиппиус без лести
 Гёте был вам по зубам.

ас магистраль звала в дорогу,
 главный ее вариант
 ак мало нас сегодня трогает,
 ак снег, что выпал год назад.

столицах прожили горянкой.
 телился молоком туман...
 утра с молоденькой армянкой
 ерхом спешили в Сисиан.

ов родины услышишь властный,
 оть с нею ты и не знаком,
 лауреатским знаком власти
 е каждый будет оценен.

абыв про возраст ваш неюный
 [гнев не пряча на потом,
 ам реформатор на трибуне
 розил начальственным перстом.

еумолима жизни квота,
 [о надо, право же, уметь
 ойти ли в память анекдотом
 [ль звонкой песней отшуметь.

СТАРАЯ КНИГА

Семье Мовсесян-Ширванзаде

Милой жемчужине Армении —
Вы книгу написали той,
Кто Маргаритой от рождения
Была не книжной, а живой.

Росла сама в семье писателя,
Отца вознес роман «Хаос».
Война ослушалась Писания —
Несла убийства и хаос.

Песню в полях сменили стоны.
О, Маргарита, где твой Фауст?
Вместо лютни фаустпатроны
Играют смерть, не зная пауз.

Нас память детства не подводит,
Воспоминаниям не рады:
Под бомбами горят подводы,
И танки лезут к Сталинграду.

ССИРИЙСКАЯ КЛИНОПИСЬ

М. Пираеву

к часто, обращаясь к книге,
ревернешь страницу детства,
вновь дворцовые интриги
помят о негодных средствах.

исходят с гор отвесных сели,
едчувствием нас насторожат.
«Минутке» на часок присели,
Гегарде хлеб ломаем с сторожем.

профиль Ашшурбанипала
помнил важного мужчину,
спятого в конце тридцатых
з уважительной причины.

естились времена и векторы.
овно от боли зубной морщусь —
вычитал стиха корректор,
восхищенный его мощью.

однаторев в природных сшибках,
от Куры до Арпачая
жие видишь лишь ошибки,
ои, увы, не замечая.

ПУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

У своей памяти в заложниках,
Я возвращаюсь мыслью вспять,
Слова достав из пыльных ножен,
Что под пятой рассудка спят.

Дорога наполнилась в то лето
Из ручейков окрестных сел,
Росла воротами Толедо,
Собой заполнив лес и дол.

Мотор трудился без обмана.
Все ближе, ближе высота,
И с покрывалами тумана
Лишалась тайны красота.

На высшей точке перевала
Родник, мороза камня твердь,
Избытка чувств девятым валом
Обрушил барельефа медь.

«Что вы везете?» — «Грибоеда».
Сам на коне, а он в гробу.
Все муки ревности изведав,
Испытывали вы судьбу.

И запоздалое участие
Придет, как сон, само собой.
При жизни рады крохам счастья,
И только памятник — горой.

ГЕРГЕРЫ

ярким летом в забытом селе
оль дороги кусты ежевики,
овно сплетницы шепчутся вслед
рожанке строптивой Вике.

удержишь ее в селе,
мохнатылись ягоды шмелем,
кто шмель ненароком присел,
знадежно запутался в хмеле.

ть в гармонии свой разлад.
спокойным взглядом дуэньи
страняла тебя и пасла
оя мать с неумным рвением.

зываю тебя, как спирт —
леанскую деву Жанну.
пока округа не спит,
любуются, кто к нам пожаловал.

ас ковер-самолет перенес
юва в пушкинские Гергеры.
ром что ль его конь пронес,
ик чеканный терцет Алигьери.

ПОГОНЯ

Гнала нас в ночь лихая удаль,
И Дафною столбы бежали,
Погоня порождала ужас,
И возопили вслед скрижали.

Застыла лавром на мосту,
А бог глядел из вод Гедара.
Мотора монотонный стук
Веки сомкнул тебе устало.

Откуда взялся этот столб?
Его с утра здесь не стояло.
Анны Ахматовой прикол
За полуночными столами.

Но обошлось – помялся бок
Машины, и манит порогом
Твой дом в оговоренный срок,
И месяц – недопитым рогом.

Знай дело, веря в свой успех,
От альфы до омеги с точкой,
Забудь про мишуру утех
И что тебя сомненья точат.

Но отчий дом ты не забудь,
И пусть тебе не будет в тягость,
Пожитки собирая в путь,
Печаль укладывать на радость.

МУЗЕЙ В СОЧИ

он с портрета ревниво
а гостями следит,
как Тоня, красива
аша женщина гид.

этом доме Островский
ил и книги писал.
от не граф он московский,
аптем ши не хлебал.

рафарет сохранили
назидание зрячим —
е транжирьте, мол, силы,
сть дела много значимее.

доме вещи простые.
се как было при нем.
а столе скатерть стильная
астекается льном.

ак и все, лен не вечен.
ещь имеет свой век.
о своими увечьями,
удто вещь человек.

орки книг без замен.
н в руках их держал.
вод, Власов, Месс-Менд
ротив своры держав.

авой шли на Варшаву
у стен Перекопа
ы клинками нержавыми
оали с боем окопы.

еохота куражиться,
ечно быть молодым,
с чужбины покажется
уже островом Крым.

Отдыхая на травке,
Будут трусы брюзжать.
Но останется Павка,
Жив Сережа Брузжак.

Закалялась со школы
Сталь мальчишки того,
И врага так же колет
Штык на книге его.

РЧЬ

А. Галустову

каз был прорываться к морю
как всегда не обсужден.
каждый среди вас, героев,
заране обречен.

ездовой, но пушка ваша —
чинка в этом море зла.
аже думать было страшно,
пуля-дура цель нашла.

синули куда-то кони,
шь облака, как табуны.
е из крымского далека
ные горы не видны.

руг тебя орлы-подранки
адают в гвардейский рост,
мерть их носит спозаранку
кровью залитый погост.

ступать никто не хочет,
ы кричишь: «Сынок, пригнись!»
огоняешь что есть мочи,
ерез силу тянешь вниз.

плоть до дальнего лимана
т стеной кровавый смерч.
сь вся земля сплошная рана,
жертвы требует с вас Керчь.

ПАМЯТЬ

Брату Шуře

Ты ребенком от ножей
Под тахтою схоронился.
По раскладу ворожей
Жить тебе и веселиться.

Лихо знал ты не по книжке,
Виноватый без вины,
Испытал судьбу парнишкой
С первых месяцев войны.

Смерть настигла возле Курска.
В братской ты лежишь могиле
Иль на дне в окопе узком,
Старикам не сообщили.

Службы ратной срок короткий,
А потом покой и тишь.
На меня из-под пилотки
С фотографии глядишь.

ВАРСКОЕ ПИВО

Всюду все кошки серы,
Женщины все хороши.
Были давно, что съели
Овечьи все крушить.

Зарыты железные двери —
Пробуй сунься в бар.
Кто тебе не поверит,
Ты хоть бард.

Словно при важном деле,
Некен в человеческий рост
Гемкинской деревни
Зарское пиво принес.

Генеральный в картонных доспехах,
Шер в дверях истукан,
Что на танке въехал
Двой генерал Гудериан.

Железным крестам рады,
Спустились с войны назад,
Ут разудалым парадом...
Убитый мой брат?

КИНОТЕАТР В СУХУМИ

Д.Шелия

Ни одного билета в кассе.
Мужчина: «Да, но я герой...»
А в зале скоро свет погасят,
И вспыхнет на экране бой.

Горел он ярче всех закатов.
Сосед танкистом, видно, был.
Ловил он жадно кадр за кадром
И все на свете позабыл.

До Прохоровки снова близко,
И на груди горит звезда.
Какою страшною пропиской
Вошла война в нас навсегда.

Горели танки, словно свечи.
Рулил механик в озерцо.
Охваченный огнем по плечи,
Спешил он уберечь лицо.

Пропитанный до пят бензином,
Комбинезон ловушкой стал.
И летним был тебе и зимним,
Когда ты плакал и мужал.

А озерцо, что твоя лужа –
Притягивает, как магнит.
И танк твой снова будет нужен,
И вот поодаль «Тигр» горит.

В бою трофеев мы не брали,
И танк на танк упрямо лез,
Как на слониху слон взобрался
И не спешит оттуда слезть.

И снова ужас наважденья,
И не отпускает боль.
В Сухуми – фильм «Освобождение»,
И танки псами рвутся в бой.

ЕЛИСК

Г. Поженяну

сер и воин, бард-поэт,
тел про круг и место в шлюпке.
ене в дружбе места нет,
трусу в командирской рубке.

дряет вал за валом море.
то с того, что ты на суше.
кипером любым поспорим,
ды голос не заглушат.

зытянули злой билет,
ка удар, как Сегалович,
ни неполных двадцать лет
и других отдать готовы.

было страшно на войне —
егах, десантах и на море.
извещеньем слишком скоро
хом Лимане зря хоронят.

и минных погребах своих
ять востребует безусых
ит, чью жизнь продолжит стих,
в бой ушел и не вернулся.

инт сражается — он жив,
ражаясь в обелиске,
завещал достойно жить,
ть стожарами неблизкими.

ЭХО ВОЙНЫ

Удача расправила крылья —
Приметой конца войны
Выбросили, как говорили,
Муку победной весны.

Выплескивая злости очередь,
Секрет выживания прост,
Как ящерица очередь
Отращивала хвост.

Часы за часами бежали
В кольцо тыловиков,
К порогу нас приближая
Насыпью серых мешков.

Но наступают фаланги
Трусов, сбежавших с войны.
Заходят вражины с флангов
И масло жмут со спины.

Не помня себя от зверства,
Как дверь чужой квартиры,
Отжали ребенка все вместе.
Порознь сил не хватило?

Мы родом из нашего детства,
И как я ни берегусь,
Миной ударного действия
Взрывается обида в мозгу.

И задним числом настороженный,
Я снова без лишних затей
Гляжу в равнодушные рожи
Лицо потерявших людей.

Не перевелись на свете,
Сегодня сказать я готов,
Бегущие по детям
Стада сытых скотов.

ОЗВРАЩЕННЫЙ АД

с не призвали в ту войну –
 возрасту не подлежали.
 и не оправдывали с жаром
 мою невольную вину.

окладывая к знаниям тропки,
 бей-то светлой головы,
 и, новобранцы-одногодки,
 шивали краткий курс войны.

кета театр военных действий,
 как всамделишный в огне –
 там возвращался ужас детства
 желкой черной на стене.

лковник помнил академии,
 первую – прошел в войну,
 ихстага комнаты в сраженьях
 брал, как бюргера жену.

портивном зале Эвридика
 глась оседлать бревно.
 там сначала было дико
 воить то, что не дано.

повторя путь Орфея,
 плену сонетов и баллад,
 перегрузок сатанея,
 овы в свой спуститься ад.

ПОЛНОЧНАЯ СТОЯНКА

Мне снился сон тревожный:
По льду во весь опор
На нартах непорожных
Спешу в далекий форт.

Светает слишком поздно,
Но через три часа
Зайдет скупое солнце
За злые тороса.

Уже разбита с толком
Стоянка у реки.
Всю ночь мне скалят волки
Голодные клыки.

Прервав собак кормежку,
Стараясь не упасть,
Бросаю головешку
Волчице прямо в пасть.

Дыхнув паленой шерстью,
Зверь прыгнул от костра,
Сменив осады место
И не изведав страх.

Костер к утру сгорает,
А хвороста запас,
Как снег, от жара тает
И не спасает нас.

Как долог путь астральный.
Не выжав слез из глаз,
Доскою мемориальной
Не отмечают нас.

Мечты, где ваша сладость?
Развеялись – и пусть.
И Лондона рассказом
Скребется в сердце грусть.

СТРОВ БЕДЫ

Поэма

Памяти Л. Челидзе,
В. Чимакадзе, А. Гачечиладзе

Идут наши товарищи,
дают как в войну.
Зримо один на пожарище
ставлю себе в вину.

Мягко, как конь, стреножена.
Мню каждый ушиб.
Жу монтажными ножницами
живые пласты души.

Но у нас отечество
горек его дым.
Поминаю я молодечество,
давая долг молодым.

Она на равных мы с лектором.
Только друзья вокруг.
Их, как хинкали, лепим,
оттая по сорок штук.

Бесики бесятся пьяные,
мы заявили на крик.
Поздно, не слишком рано.
Мамка, я, Чик-Чирик.

Нас на троих по пшенице
возраст ребячих проказ.
Ни рано жениться,
пить в самый раз.

Дим в погребке за бочкой.
Чка костяшкой лото.
Зато еще выпить хочет,
другой готов.

Апендия, наша отрада,
возь пальцы уходит в песок.
К мало нам было надо,
к папа еще высок.

2

Сидим в погребке прилежно,
И счет нам давно расписан.
Мы сами, как маршал Брежнев,
Не в силах прочесть написанное.

Куда нам стопы направить,
Сменив погребка кров?
В бутылку цедим саперави,
Как донора свежую кровь.

Решили: идем в гости,
Куда не позвали нас.
А дом тот найти непросто
Трем парам нетрезвых глаз.

Готовы любому дать сдачи,
Но улицы сонны, пусты.
Бутылку, с собою прихваченную,
Как женщину, тащим в кусты.

И вот мы стоим на пороге
Мтацминды притихших квартир.
Встречает нас длинноногая,
С которой никто не ходил.

Так в дом на Давидовской площади,
Тонуций в сирени кустах,
Ввалились мы, как лошади,
От вина и стихов устав.

Пока мы чай гоняли,
Костер жгли скандальных стихов,
Какой-то вор и охальник
Бутылку увел из кустов.

А я отказаться не смею,
Когда ты, щедра и легка,
Есенина книгу посмертную
Готова достать с потолка.

Взлетела стремянкой по стенке,
И я ей галантно помог,
Глаза отводя от коленок,
От стройных ее ног.

долго печатать медлили,
иска бессрочные сроки.
гигла поэта не петля.
арина злые строки.

бил, как палач, умело,
ждая мысль не проста,
зии дивное тело
площади распластав.

ет людей веренища,
м стоило дружить.
нин подарком приснился
родолжает жить.

ды Курою струились,
руг мой хвалил за глаза,
шутку прозвал Джо Луисом,
ем я недавно узнал.

ядком мы все устали,
памяти помнит тайник,
лапы боксерские Двали
ели от крюков моих.

не далеко за тридцать
аже за пятьдесят.
асто готов удивиться,
імав откровенный взгляд.

девушку в Сололаках
олго забыть не мог,
взглядом меня обласкала
ачале житейских дорог.

ловно решая задачу,
ь часто не по пути,
у ту бутылку заначенную
се не могу найти.

рвались мы в менестрели,
е урывая куски,
кое-что в жизни успели
ажелые марш-броски.

Поти, футбола родина,
Стал оплотом коммерции.
Тобою я больше взволнован,
Королева Мтацминды Мерция.

И «Ласточкой» в сердце ранен,
Торжественно светел и тих,
Котэ Махарадзе с экрана
Про Чимку читает стихи.

А Леву мы видим в титрах,
И он продолжает жить –
Остался ярким юпитером
Осиротелым светить.

Мы верили в добрые вести,
Надежды развеялись в дым.
Плывет в океане вечности
Алика остров беды.

У каждого есть своя песня
И к ней подбираешь ключи.
Отважного Весли «Валенсия»
Реквиемом звучит.

Позабылись девчонки и книжки,
Жизни ярмарки хоровод.
Дорогие мои мальчишки,
Как вас мне недостает.

Как часто, ища совета,
Держась за последний редут,
Я к вам тянулся, как к свету.
Знал – не подведут.

Исчезнувших вокруг тыщи,
Каждый для близких царь.
Уходят, уходят мальчишки,
Разбивая наши сердца.

НИ

тайке прохожих,
ывших о чести,
савиц раздетых
зятых в кольцо,
пкнуло на миг
де не к месту
того друга
вое лицо.
каждым достойным
ают невменяемые.
горгни ты их,
енужность кляня.
переправе
ей не меняют,
рут —
ближе любого коня.

ЗАКЛИНАНИЕ

Не отдаляйся от друзей,
Случайный опыт бесполезен.
Пара назвавшихся груздей
Силком в твой кузов не полезет.
Не отдаляйся от друзей.

Ты с возрастом не стал мудрей,
Но обходясь без лишней лычки,
Вниманьем дорожи друзей,
Как чудом уцелевшей спичкой.
Не отдаляйся от друзей.

С годами чувства поскупей
И на общение не настроены.
На друга время не жалей —
Осталось их от силы трое.
Не отдаляйся от друзей.

*

лилась ты снегом на голову,
омает сравненье мое,
ва, словно жидкое олово,
старую мельницу льешь.

ь правды сменит небылица,
нит эскадроном гусар.
лькают размытые лица,
ед все течет по усам.

дведи сбежали со льдины
лещут в жару квас.
азстро Томмазо Сальвини
пробуй vedi мастер-класс.

ечерне спешить не надо
олям парижских книг —
их Хэма и Фицджеральда
ли оборвался крик.

овровой дорожки в Канне
пот другу заочный привет.
ем вместе сдвигали стаканы,
руга давно уже нет.

ЭКСЛИБРИС

Сниму с тяжелой полки книги
С летящим росчерком друзей,
Что громopodobным МИГом
Мелькнули в юности моей.

Не побывав в каких-то странах,
О них мы спорим без конца.
Сын классика отметил ранний
Талант наш с генами отца.

И знали записные книжки:
Нет жанра более важней.
О книгах грезили мальчишки,
В них переплавив серость дней.

Живые в памяти живых,
Подумать даже не успели,
Что книги пережили их,
Как долгожительница – Шелли.

ПЛАДА О ДРУГЕ

Ты был всех лучше для меня.

С.Есенин

орвался на mine,
етел под откос,
тебя нет в помине,
стихи не принес.

ни мечут уроды,
ломанный прессом,
лся ты через годы,
оняясь экспрессом.

к последнего круга.
мывая без сил,
послушал ты друга
е притормозил.

ержался на нелюдей
астратил запал.
ой страшной комедии
и пан и пропал.

ить слухам – не верить,
шел ли ты в вечность.
и только потери
и быть человечней.

сль терзает шальная:
расстались мы вроде.
чужбине гуляют,
грают на родине.

ПОДАРОК

А вот и Вова Соколов. Это редкая книжка!

Надпись на книге «Любовь как любовь»

Ты цену знал подарка.
Следы твоих чернил,
Свидетельства восторга,
Я в книге находил.

Так в голод ломтик хлеба
И тонкий недешев.
Стихов его отведав,
Я мастера нашел.

Иду волшебным лесом
И на стволах чужих
Встречаю я зарубки —
Ты рядом и ты жив.

И дав мне хлеб, не камень,
Хоть я и не просил,
Хранить огонь оставил,
Покуда хватит сил.

ВЕРЬ

Не верь, что меня больше нет.
Я в чем-то остался навеки.

Л. Челидзе

бумаги пожелтелой
ей выпорхнул из книги —
инных душой и телом
озал зовет интрига.

насительным билетом
е мне вновь напомнил.
былось, ты ли это
бую бой затеял в школе.

ма вашего премьера.
действия блеск гостей.
оследний и не первый
среди сонмища теней.

на строчкой ранней,
руженной в томах,
ую бередишь рану,
старившись в годах.

ерть века пролетела.
ка старится с годами.
роннему нет дела
го, что ты не с нами.

ое надорван пропуск —
ролера знак усердия.
ем: рана, если спросят,
овавшегося сердца.

СЛЕПОК ЖИЗНИ

Д. Имедашвили

Ушел ты в черный майский день,
Не выпив наспех чашки чаю,
И все теперь кому не лень
Твои заслуги отмечают.

А мне остался от тебя
Один-единственный из снимков:
Как сазандар, Тифлис любя,
Мы над Курой стоим в обнимку.

Ты моей жизни частью был.
Твоей семье дарю я снимок,
Он отражает боль и былъ
Событий трудно объяснимых.

Сильны генетикой отцов,
Мы закалялись в одном горне.
Как тех сиамских близнецов,
Нас не разять уже без боли.

Будто всамделишный хирург,
Я острием английской стали
Границу режу плеч и рук —
Заветный слепок жизни старой.

СЛЕДСТВО

Н. Эдиберидзе

зя по скромным средствам,
что добыл пером,
делен наследством,
в сказке у Перро.

складе кот и мельница.
И друг нашел меня,
твой уход не верится —
трое у огня.

т камин в марани
еет душу мне.
рвался стих спонтанно
еком на коне.

и память вновь подруга,
гобы повезло,
янем мы подиругу,
ясь опять в седло.

* * *

Э. Гуфельду

Разводят друзей океаны.
Жизнь в тягость – ищи другую.
Ходи хоть слоном окаянным,
По Джоконде своей тоскуя.

Ниагарой пролился на англиш,
Слыл королем шутки.
Под каждой крышей своя судьба,
 свои мыши,
Подметил Иосиф Уткин.

Оставим другим вздохи.
И книги навзничь. Так войны
Лежат у стен Антиохии.
Прости сравнение невольное.

Ищу тебя в Интернете,
Вдовый на сайте заказ.
Прорвутся в сонме запретов
Все, кто запомнят нас.

Уходим в горние выси мы.
Тяжелы обиды вериги.
А жизнь коротка, счастье мнимо.
Вечность в твоей книге.

ЕПИ

Не спросясь броду, не суйся в воду.

Пословица

мальная усадьба
ась позади.
у я, как на свадьбу,
ббы не найти.

елал пару бродов
ом краю степном,
ал он недородов
дкий, как стекло.

горка пылила,
идно, год назад.
через силу,
е сам черт не брат.

с руки мне злиться,
не расхлебав.
ут одна пшеница —
ев растил хлеба.

на сильней не стала.
иях гниет зерно.
дой на комбайне
и мы в кино.

предметом мэтра,
да для зануд,
ла тригонометрия,
кой-то пункт.

по доскам тонким
пахнутый простор
скивал девчонку
зый комбайнер.

венькой растерянность
ер не отражал.
ночь метались тени
есни каторжан.

И не ломая ноги,
Спасаясь с высоты,
Сдавали недотроги
Напарникам хвосты.

Стоял знак на высотке,
Когда вконец устав,
Нашел я путь короткий
На полевой наш стан.

Встречали меня «молнией»
И кашей негустой
Студенты малахольные,
Как спутники – Кусто.

Нас кашеварка Таня
Все рвется угостить.
Доволен я братанием,
А мог ведь не дойти.

Мы для ее времянки
Срезали камыши,
И рвался свист зарянки
В догадливой тиши.

ЧНОЙ РАЗЪЕЗД

«Правды» нет, есть «Труд» за 3 копейки.

Разговор у киоска «Союзпечати»

лет шел воробьиной ночью,
скую водят на расстрелы.
поллитровку хватит точно,
салтеры пускали стрелы.

удоднях спор неуместен,
под домбру шлягер Дассена.
в одиночку и все вместе
и иголку в стоге сена.

с поля ратного солдаты,
кали воры бригадиры.
бордаж взяли пираты
ченческую бригадину.

не везли в пшеничном море
паруса, и привечал,
правда, горькою водою
а незримый Баскунчак.

ервом спутнике Земли
или мы в пути по рации,
не запомнить не могли,
ша домой, названья станций.

ЧИТАЯ ГЕЙНЕ

Мне все не дает покою
Старинная сказка одна.

Г. Гейне

Сердца порывы умерь, не жалея,
Если тебя позвала Лорелея.

Золото кос распустила она,
Ты же поверил: в тебя влюблена.

Праздные мысли гони поскорее —
Многих гребцов погубил старый Рейн.

Замков воздушных песчаный след
Смыт волной на гиблой скале.

И не таращь ты напрасно глаза,
Мало кого кто в тумане позвал.

АДЕЙ

меньше стало Моцартов в жизни.
ше метят выйти в Сальери.
рные слухи приплели к тризне,
знать не спешат гения гением.

кин гармонию алгеброй не поверил —
енькой трагедии большой грех.
осушил чашу яда безверия
еряет в злой версии всех.

и Солнца. Фон Борн. Зороастр на троне.
тор сюжета «Волшебной флейты».
твара отравы навек успокоен.
ицей Ночи напуганы дети.

ыли Амадея глаза вешие,
ги клинок приставили к сердцу.
т свеча в черепе человеческом.
онская клятва. Реквием вечности.

нит кто исповедь Калиостро?
си о разгуле Моцарта идут кругом.
рен бильярдной игрой острой,
юхатил Магдалину, судачит округа.

заказали и зажали в тиски.
равляясь с женой в скучный Пратер,
жрывает он смертельной тоски
кизни, ставшей узкой, как платье.

в коктейль — мышьяк и ртуть на воде.
стро знаменит, но беззащитен.
дов его не найти нигде.
дей могилы приют незавидный.

в стереотип вечно юного гения,
нию двести с лишним лет.
овора психозом охвачена Вена,
ули Амадея свечи яркий свет.

та на ведьм страшной холеры.
йщ его распознать не сумели.
дарт остался отравленным гением
аспятым в веках лжеубийца Сальери.

БЕТХОВЕН

Забыв про библейский бисер,
В свирепой своей глухоте
В красавиц влюблялся он быстро,
Не видя, что вовсе не те.

Шедевры твоя в запальчивости –
Крик обнаженной души,
Целовал в мечтах пальцы,
Нежно его душившие.

Как нищий прятал в котомку
Улыбку и ласковый взгляд.
Бежал лунный свет ломкий,
Отражаясь болью в глазах.

Но помнят графиню Гвиччарди,
Кузину Терезу с галчатами –
Сонаты ладьями отчалили
В океан чувств непочатых.

Лебедем прильнув к Леде,
В любви мы богам сродни,
А знатная леди и Джуди О'Треди
Во всем остальном равны.

ЕЦ

В. Козину

вернусь на материк,
агаданом свет не виден.
озвалась ты на крик,
тебя я не в обиде.

ти веткой одинокой
гилась ты со мною веря.
то с вышки смотрит зорко
трелить готов, как зверя.

поезд мчал и исчезал
жащей легкой серой дымке.
этапом брел в слезах
спешил пропасть на дыбе.

сих кругах я проходил,
герем здесь лагерь стынет,
ь во власти ты горилл
гок жизни злой, постылый.

ный театр мне снился долго:
о свое пою охотникам.
ую забытом пропал иголкой,
а концерты рвутся сотни.

й костер тебе не светит,
ыл затоптан на снегу,
ред вечностью в ответе
равдаюсь как могу.

ушел на материк.
агаданом свет не виден.
цальный зов, напрасный крик.
пла любовь, прошла обида.

А ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ

Крутые вписались в мутантов,
греби под себя и рви.
Миром правят путаны
и еще воры.
Люди совсем озверели,
людям все больше надо.
Не верьте, что совесть съели –
просто прибавилось гадов.
Каждый забился в именья,
лопает в одиночестве.
Не нужен ты им по имени,
ну и, конечно, по отчеству.
Но как бы ни пророчествовали,
конец предрекая Земли,
опасны лишь одиночество
и те, о себе кто мнит.

ЕНЬ

Э. Квитаишвили

г цыплят открыла осень золотая,
разлуке скорой желтые цветы.
обится-разлюбится, мучаясь, мечтая.
ят все подруги и не видишь ты.

мятенье сердца время не заглушит.
порошит голову увяданья снег.
к последних аистов западает в душу —
гают птицы в Африку, к весне.

саду с акаций опадают листья.
-то птичьи гнезда в кучу побросал.
о плачет ветер, и в унылом свисте
тевших аистов слышны голоса.

ПЕРВАЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦА

Голоса пернатых
С каждым днем глуше.
Небо делят пиратами,
Никого не слушаю.

Держат курс на Африку.
Заскучали осенью.
Ищут страны жаркие,
А не наши сонные.

Не зайду на лекцию.
Заболел я вроде.
В воздухе инфекцией
Осени рапсодия.

В коридоре стынет
На стене газета.
Юная разиня
Шепчет стихи эти.

Выбрала. Забыла.
Ушла навеки.
Боже, когда это было?
В прошлом веке.

ЕНА АЛЬПИНИСТА

воздушные замки строили,
т от друга отличные,
ебе ничего не стоило
аваться на курсе личностью.

екался я больше шахматами,
евчонки смотрелись принцессами,
юрмами незахвачанными
мечтой о герое «Эксцельсиор».

забылись брюнетки с шатенками
единого вздоха и боли.
бесстрашно полезла на стенку
ашла своего плейбоя.

аждого в мечтах Эверест,
ше галки заходятся в гаме,
прекрасная из невест,
сыгранная роль Гамлета.

ращаясь за десятки лет
пожданной кометой Галлея,
далеких миров льешь свет,
ставляя в чудо верить.

зывают ущелья щербатые пасти,
глотая желания и чаяния.
ова падаю я в пропасти
ефона твоего молчания.

боясь, что меня оспорят,
скажу, не забыв ничего,
зачем ему эти горы,
гда рядом вершина его.

ОБЕЩАНИЕ

Мы были, как котята, слепы,
Подброшенные кем-то в дом,
Писать пытались, как поэты,
Как Франсуа Сюлли-Прюдом.

В спортзал срывались мы без спроса,
Где Двали ставил нам удар,
И сочетая драку с боксом,
Их путали, как божий дар.

Тот зал давно уж окультурен,
И не рассудит, не простит.
В нем кафедра литературы
Своих профессоров растит.

Не снятся больше львы и драки,
И не взволнует никого
Имя тех лет Мисс Сололаки
В подъезде дома твоего.

Но чудо пишущей машинки
Не умалить и не забыть —
Мне однокурсница блондинка
Ее хотела подарить.

Мы были, как котята, слепы.

ОВА ТЫ

как дом, хоть и старой постройки.
 рт усталый в подъезде молчит.
 ва ты, молодая и звонкая,
 лижила у тетки ключи.

шала конспект свой тоненький.
 : девчонки в учебе сильны.
 е нас и разбитые слоники
 пианино у дальней стены.

ников в группе нас трое.
 орю ей: «Бросьте войну!»
 на мне: «Он кем-то настроен»
 припомнила друга вину.

лшит плохо после болезни –
 ожнение схватило уши.
 пчем я ей не полезен,
 ь кричи, хоть стреляй из пушки.

рошо в Очамчире при штиле.
 ова вспомнил твой голос и волосы.
 нца лучик к полу пришили.
 лаза немного раскосые.

проспекте гостиницы, бары,
 торанов заморская рать.
 , как хочется стать барином,
 чего не пытаюсь понять.

инимая поклон за поклоном
 вших близких, чужих потом,
 иду, вконец разоренный,
 к сожженный питоевский дом.

к солдат, не сберегший знамя,
 прохожих скрываю глаза.
 дождусь я ответа-признанья
 слова, что тогда не сказал.

ВЕЧЕР

Сбросив годы, как вериги,
Снова я с тобой незваный.
В разливанном море книги
Молча тонут вместе с нами.

А вокруг ни зги не видно,
Только лампы свет холодный
Гладит твои руки стыдно
На романе старомодном.

В темноте лица не видно,
Не спешим сменить мы место.
Хорошо нам было вместе,
И за прошлое обидно.

На свиданьи в поздний вечер
Снова хорошо нам вместе.
Дорого отдам за встречу,
Когда ты была невеста.

ОРЕ

ой Фонтан. Какой-то бред.
ведь море омывало.
нило, как заморский бренд,
одку на волне качало.

к морю шли, и вдоль дороги
улись грядки табака,
пластанные чьи-то дроги,
тот цыпленок табака.

яйский сын был ушлый малый,
овозке кнут он разглядел,
ольствуясь добычей малой,
я украсть не захотел.

ь же стодиться мог в хозяйстве,
и к чему без него кнут.
али за коня полцарства,
ерь навряд ли отдадут.

нами тени гнались стойко,
бы в свидетели идти.
молча миновали стройку,
теньям, видно, по пути.

оре с каждым шагом близко,
ближе пляжа полоса.
дбой, вскипая, сыпал брызги,
остужая телеса.

ЕЛЕНА

Как в Ялте чеховская дама,
Гуляла с книжкой на бульваре.
И я пропал, как сын Приама,
Убитый греками вульгарно.

А все же то была игра,
И про себя ты балом правила.
И шпиц из книжки выбегал,
Опережая нас по правилам.

За поворотом поворот
Пусть не обманет ожиданья.
Нахал прыщавый у ворот,
Как старый долг, клячил свиданья.

Пусть для кого-то это спорт,
Строка пустая в списке длинном.
Был стадион, а рядом корт
За терренкуром серпантинным.

Не ел я в номере арбуз,
А параллели просто просятся.
Мы, вылезши из лишних блуз,
Несли на пляже околесицу.

А солнце жгло и обжигало.
Под взглядами ты возлежала,
Живот атласный свой поглаживала,
К себе надолго привораживая.

И все у нас наоборот.
Вернулась ты в свою столицу,
А я молчу который год,
Как дама та, живя в провинции.

Я вспомнил чеховский рассказ,
И словно влез в чужую кожу.
Невольный вышел пересказ,
А все же что-то было схожим.

МЕНТ ИСТИНЫ

ных криков толчея,
авой птицы срыв шарахный,
шив дерзко мертвый час,
ат бильярдными шарами.

оре времени навалом,
емя покатаь шары.
се на танцы валят валом,
юдях пробуя шалить.

оттеня бледность щек,
ся крутой тропинкой сада,
незнакомая еще
шла и молча села рядом.

ко времени, не впрок
сдруг увидел нежеланно,
на краю постылой ванны
сах торопится песок.

ПЕСНЯ

В море прячется светило,
Будто в море варят сталь.
Мне сегодня подфартило —
На концерт билет достал.

Гастролер собрал аншлаг.
Угасал июльский день.
Кто-то вынес белый флаг,
Безразличный, как тюлень.

Мы сидим в одном ряду,
Через восемь мягких кресел.
Ты с подругой, как редут,
Неприступные принцессы.

Все по-своему в ударе.
Как поет он, черт лохматый.
Говорят, кому-то в зале
Пыльные бросает взгляды.

Смотрят люди, не дыша.
До чего же хороша.
Видно, сильно куролесил,
Оттого румян и весел.

Моя хата та, что с краю.
Ничего о них не знаю,
Классно смотрятся вдвоем,
Есть любовь — и мы поем.

На рыбалке у реки
Тянут сети рыбаки.
И реактор где-то жарит,
В жар идут одни пожарные.

Взгляд твой тоже берегу,
Как удавшуюся песню.
На курортном берегу
До чего же мир стал тесен.

И сдается мне, вдвоем
Мы еще не раз споем.
Без рыбалки и реки
Тянут сети рыбаки.

ТЕРБУРГСКИЙ МОТИВ

дала прийти ночью,
еду хозяйка не спит
нать про жилищку хочет,
ночь глядя куда спешит.

нает – шепнет наверх,
гда прощай служба.
гучают влюбленных всех
гоительства ненужные.

бежали впустую часы,
реви – не поможет нисколько.
аруха ведьма не спит,
авляя понять Раскольникова.

СЛЕПОЙ ТРОЛЛЕЙБУС

В чужую душу ты не влезешь
И в собственную не вступи.
Бежал троллейбус по-газельи,
С салоном сонным и пустым.

И в такт ускоренного бега
Сосед мой думал и дремал.
На месте, крайнем как омега,
Тетрадку тонкую достал.

Нацелился карандашом умело
На лист, не тронутый как снег,
Слепив портрет штрихами смелыми
Той, что мечтала как во сне.

В волнах кудрей отменно желтых
Пылало женское лицо,
Стараньем властным приближенное
Опомнившимся молодцом.

Художник в куртке нероскошной
И с виду вовсе не Тарзан.
А вот мальчишка осторожно
Косит в тетрадочку глаза.

И не польстил тогда нисколько,
Ей нос никак не уменьшил,
Он опустил в карман глубокий
Эскиз и выйти поспешил.

Она о чем-то призадумалась,
Была в салоне и не тут.
Божественный огонь задули,
Мы проморгали красоту.

Как далека она от подиума
Девиз с округлыми грудями.
И не сведет тебя с ума
И явно на модель не тянет.

И что нам до судьбы чужой,
Сегодня вроде не до жиру.
Бежал своею стороною
Слепой троллейбус с пассажирами.

СРЫТАЯ ГЛАВА

Она была в Париже.

В. Высоцкий

т город обедни,
и город Париж,
казала наемни,
годня молчишь.

ываю в Париже,
горбатый Монмартр.
играешь престижно,
двая в театр.

правления актрисе
ылать не люблю.
нь спела Патрисией
й пронзительный блюз.

любовью большою
мне душу согрей.
годня прощенный
уйти поскорей?

вь с охалками сена
иданов пример.
-то бросился в Сену,
а кто-то премьер.

издник этот не с нами,
ликует Монмартр.
вартиры все в найме,
гарик Хэм не прав.

имерами скалится
ю мной Нотр-Дам.
уносит печали
и мостами вода.

конец я растерян
бидой разбит.
и близко там Сена,
умру от любви.

ДЕВУШКА ЕСТ СЛИВЫ

Фруктовый сад ее груди –
Ждут сбора полные корзины.
Так горы манят впереди,
Угадываемые из низины.

Приятно выпуклый корсаж –
Как льнут к грудям чертовки сливы.
Вином любви пьянит пассаж,
Нрав незнакомки шаловливой.

Вдохнуло жизнь в страницы книги
Перо волшебника Роллана.
Смятение чувств. Канва интриги.
Неопалимый куст желанья.

Сабина, Сильвия и Ада.
Крик птицы в золоченой клетке.
И райский сад и крути ада.
А сливы гнут-ломают ветки.

СЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

какие женщины
 вт среди нас —
 лантом мечены,
 лада глаз.

рим, как на чудо,
 е мы одни,
 бвив про юдоль,
 стные дни.

ойные, как башни,
 рта к черте.
 опустят пашней,
 мы не те.

илонской башней
 пела язык.
 меня не спрашивай,
 имать отвык.

какие женщины
 ят по весне.
 кие орешины.
 ые как снег.

НЕЗНАКОМКА

Сидишь, моя отрада,
в высоком терему.
Не похож он на Прадо,
больше – на тюрьму.
Ты впрямь красавица прима.
Сравнение не грешит.
Но как во времена Рима,
себя продаешь за гроши.
Полные губы морщишь,
дела свои побросав.
И рада б сбежать очень
и алые ждешь паруса.
Как за витриной конфета.
Не тронуть ее, не съесть.
Я счастлив от одного этого –
знать, что ты есть.

ОН В КОЛХИДЕ

енды с жизнью часто путая,
ав от плаванья бесплодного,
ешу отбросить знаний путы,
быв, какого сам я рода.

а заглянув в глаза лукавые,
а властно мне ты приказала,
ов отныне тебя славить
д пересуды всего зала.

мпанию с Колхидой путая,
ближайший год или недели
бе во всем послушным буду я,
пшеница без чуда зелий.

Ариадною на деле,
бывшей своего Тесея,
мной чаровница Медея
все, о чем мечтать не смею.

ЧУЖАЯ НЕВЕСТА

Ты далека-далека от меня,
Как поэзия от прозы.
Станцию за станцией менял
График нагоняющий поезд.

Позови меня в райские кущи.
О, как манят губы тугие –
Замирает сердце над кручей,
А целуют их, видно, другие.

Как бездумно ты весела,
Окольцованная кем-то птица.
Он тебя ломает на свой лад
И не больно спешит жениться.

Все ж готов я биться об заклад,
Никуда не денется любимый.
Слишком много обещает клад,
Чтоб не соблазниться, пройти мимо.

АДРИГАЛ

Л. Т.

с сирени две веточки,
 похожа на девочку,
 исколько на бабушку,
 шепчу тебе на ушко.
 ова чудом покажешься
 мне это кажется.
 из рода красавиц
 ама ты красавица.
 пролить слов елей
 сто не в состоянии.
 ии стал я писателем,
 страны достояние.
 лвает, как палицей,
 евчонкою дразнится.
 такая красавица
 ебе это нравится.
 мны шлюют воздыхатели
 лиртурют поклонники.
 для них неприятель.
 святые угодники!
 ловами обманными
 ль опутан лианами,
 реду, как в тумане,
 лдован Лианою.
 шепчу я невольно:
 звяжи мне лианы.
 ебываю невольником
 галере Лианы.

* * *

Когда, казалось, нет уж сил
Разлуку пережить с тобою,
Мне радость случай подарил,
Как перемирие после боя.

Но снова пулею пронзило
То обручальное кольцо,
И ничего не отразило
Твое спокойное лицо.

Случайной встречи краткий миг.
О главном не сказав ни слова
На твой невольный этот вскрик,
Надолго мы расстались снова.

А кто-то близкий мне перечит
И тихо шепчет: не балуй.
Храню подарком нашу встречу
И твой невинный поцелуй.

ЧУЖОМ ПИРУ

просила совета,
другого увлечь,
вергая с порога
жиманием плеч.

ещала в разведку
тень меня одного,
писать бы в тетрадку
заучивать роль.

удийною парой
глаза навела,
крывая в деталях
е чужие дела.

жно ранила залпом
ня глаз твоих синь.
ерестрелке короткой
страдал я один.

о чем не жалею,
о себя так решил.
саюсь тебе другом
последних я сил.

ЮДИФЬ

Аббатство рядом, через Темзу.
Постой немного на мосту,
Пока тебя не увезут
И ветер вымучит слезу.

Вестминстер – Мекка англичанина –
Уходит колоннадой ввысь.
Ты, неизбежным печалена,
С печалью больше не борись.

Разлука нам судьбой завещана,
Коль эта жизнь так дорога.
И два народа птицей вещью
Брели по разным берегам.

Брат бросил якорь в дальнем крае,
Упрутый парус зачехлил.
И свадьбу там они сыграли,
И по традиции дождь лил.

Брат для тебя Ньютон и Дарвин,
И, может, даже Копперфилд.
Я вспомнил Диккенса недавно,
А он со мною шел всю жизнь.

Спешат навстречу вам прохожие,
И среди них Жерар Филип.
Ну до чего они похожи,
А этот к мостовой прилип.

Он заглянул в глаза бездонные
И утонул в твоих озерах,
Как я когда-то. Обездолен,
Рассыпав нитку мыслей зерен.

«Смайл!» – говорит он умоляюще,
Улыбку требуя к лицу,
Как жажду путник утоляющий,
Мучений радуясь концу.

И аналогией на диво
Тебя представил он мгновенно
Красавицей вдовой Юдифью
И с головою Олоферна.

ОТИВОСТОЯНИЕ

обернулась птицей счастья,
выпала небесной манною,
обещаешь пообщаться,
се обманываешь.

за все стертые, натужные.
если тросом за канаткой
лягут армией послушной,
опьяненные фанатки.

отивостояние заело —
прямо Крамер против Крамера.
течи мраморные белые
обнажила перед камерой.

каждый ищет где получше —
космодроме иль в Ла-Манче.
поражаешь сходством с лучиком,
да капризным и заманчивым.

* * *

Плакала дева в трамвае.
Кто отер ее слезы?

ВОЛНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

м умным в тот год
море —
вало тебе ноги
м,
мало в волнах
упленно.
сто так, скуки ради,
влюбленно.
и высек его,
рядом.
азалась мне жизнь
м рядом.
олне, как на войне,
ат краденое,
роже вдвойне
эбя награда мне.
ихи твои,
слепой, трогаю.
кого ты была
строкою?
ключие слова
у волоком
д ноги твои
ю войлоком.
о счастье
рипоты спорим,
ачливо
тыжее море.

ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Сидишь изящно
на краю лодочки,
скамейки парковой,
амазонкою.
Плывут от ближнего
ресторана
соблазны обморочные
и очень стойкие.
Крутая самочка
прошла аллеей,
застыла в стойке.
Проспал все праздники,
похмельем смятый,
твой недостойный.
И им непонятая,
обвиться хмелем
спешишь,
усталая.
Груди холмами,
желаньем поднятыми,
на нас
установилась.
А у тебя
в улыбке пляшут,
алея, губы.
Какой-то песик
походкой валкой
идет вдоль клумбы.
Несет хвост скалкой.
Пристал, как пьяный,
и будто спрашивает,
чего нам надо.
Слизнул с твоей руки
обломок тающий
шоколада.
Вот так
без паники
мы, видно, тоже
с тобой расстанемся.
Так для чего же
прикрыла ставни,
как паинька?

ОЗРЕНИЕ

была ты. Тебя я выдумал,
то Бог, из чужого ребра.
игры с потерями выйду,
купившись мощной серебра.

скажу ничего обидного,
: стучался в глухие врата.
была ты. Тебя я выдумал,
абиринте чувств заплутав.

* * *

Ничего между нами не было –
Пришлели злые мытари.
Была далека ты, как небо,
Как звезды размытые.

В сердце твоём надежды
Мои не нашли отклика.
Будем знакомы как прежде,
И пересуды нам побоку.

Но думаю о тебе часто,
Как о невыигранном бое.
Порвать, что ли, на части
Фотографию в альбоме?

ОЯ КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали.

К. Симонов

и нескольких строчек в газете
мотались на передовой
единственной в целом свете
казали ждать живой.

изнь как ожидание встречи.
она для вас важна,
очет быть вашей женщиной
лугу, где грохочет война.

е просто новая аура,
горюю себе приметил,
верив в Петрарки Лауру
е веря в приметы.

и нескольких строчек в газете,
которые ни гроша,
плюю на условности эти
е сдерживаю шаг.

слушай меня с испугом,
кая, как корень женьшеня.
ова стала планета лугом
онями и женщинами.

СОПЕРНИКИ

Влюбиться можно за эти стихи.

Из разговора

Не влюбились в поэта,
А в его же стихи.
Может случиться, поэтому
Я заметно притих.

Где же тут справедливость?
Я срываюсь на крик.
Так скажите на милость,
Фактам всем вопреки.

Ночь убита рассветом,
Небо жжет кумачом.
Вы влюбились в поэта,
И стихи ни при чем.

ОМАНС

разгаре доброго застолья
з сожаленья и причины
и боль большую причинили.
м, право, ничего не стоило

азать, что досаждаю часто,
праздной суеты потуги
осприночаете несчастьем.
о в вас я видел только друга.

зможно, это даже к лучшему,
правив сердце на покой,
помнить преобидным случаем
их громкий женщины хмельной.

«КРАСИВОЙ» ЖЕНЩИНЕ

В серый цвет меня одели.
Было слово – не вернешь.
Каждый занят своим делом
И по-своему хорош.

Счастлив в скромной я обители,
В мастерской найдя приют.
Соловья вы не увидели,
А павлины не поют.

* *

кто не услышал обвала град.
атился камешек, слово твое.
верх поднять его – сизифов труд.

ВСТРЕЧА

Не виделись мы год иль два.
Не мог себе представить раньше:
Внимал спокойно я словам
И видел только рот накрашенный.

И вроде то же красок буйство,
Иное утверждать не вправе.
Куда девалось это чувство,
Что позволяет нами править?

Былое позабыв едва ли
И прогоняя со лба тучку,
Стояла женщина усталая
И вспоминала свою внучку.

Е ЗАБУДУТСЯ ОБИДЫ

лько горя, сколько боли
тодных подминают.
ебристый классный «Боинг»
опорт не принимает.
бывает.

ать устав, уходим споро
незримых страшных боен.
изнеможения спорим,
юдя обид обоймы.
гь по-твоему.

исл теряя изначальный,
низводятся обиды,
когда-то нас печалят,
егодня позабыты.
сердись ты.

НОЧНЫЕ БАБОЧКИ

В районе цирка
займитесь делом,
оставьте охи.
Там под топор
идут платаны,
на землю грохают.
В раздетом парке
стоят путаны,
торгуют телом —
усладой жирных.
Им джинсы стиснули
тугие чресла,
и выпирают они
пружинами
из кресла.
На месте купальни
в дальнем заплыве
ведут свой промысел,
всегда опальный
и непыльный,
совсем нестарые
и видные.
Бедам всем назло
струят флюиды,
ловя козлов.
По иномаркам
глазами рыская,
спешат в «Астории»
неблизкие,
немало стоя.
В угаре пьяном
легки победы,
грядут виктории.
Все разом стали
сексапильными,
чрезмерно гордыми.
И в каждой встречной
такая сила,
кричит порода.
Так обольстительно
качая бедрами,
идут проспектом
походкой бодрою.
И все при деле.

тайне думают
ько об этом.
ьбу-злодейку,
кашалота,
разделают.
все красивые,
правьте плечи.
ьбки Голливуда
сивого
ите гордо.
е не вечер
городом.
ани вас Бог.

* * *

Быстротечны годов ливни,
И как медлительны мы
В поступках судьбоносных.

ОТВЕТ МАРИЕНГОФА

«преодолеть беды,
хоть совет или плох,
хоть в романе поведал
твоя дружка Мариенгоф.
Хватая от жизни требуй,
хоть в Одессе босяк твердо:
Хватанка, дай рубль на потребу,
то плюну в морду.
Хватая жмись —
хоть
хоть».

* * *

Деньги все же пахнут
бензином
кровью
горем
жирной столовой
комнатой где кто-то болен

ИТАНИК»

ают-компаний
 ут к завтраку.
 их Оксании
 кой я и завтра.
 ду проспектом,
 идая в панику, —
 шыл из проекта
 израк «Титаника».
 потопляемого
 имают на пленку.
 очищают подвалы.
 нятны ребенку
 гивы аврала.
 тораны, фильмы
 тут руки жадные.
 роход жив,
 шет жабрами.
 снул горло
 лок удушья —
 юмнились Гоголя
 ртвые души.
 к вам
 а кушается?
 ютафорской палубы
 хнув фишки людей,
 мерон
 зится
 амерой
 юнадеянно.
 строил
 воде
 адбище манекенов.
 висти
 испытав ни капли,
 зрю на шалости
 Каприо.
 корабельном носу
 причины
 жает девчонку
 пучиной.
 ртретом задвинут
 школьные ранцы,
 вины
 целованным
 потери глянца,
 эл Леонардо,
 гь не да Винчи.

На смену титанам —
где взять их нынче? —
приходят тираны.
Бедный «Титаник»!
И нам
уже больше
никто не завидует.
Тонут титаники,
доселе невиданные.

КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА

дение с шахматной доски —
фигуры сброшены с досады.
Ворле комком взошли ростки
ей-то боли, как рассады.

жат впотьмах в неловком плене,
быть пытаюсь горечь сдачи,
побалку пешки с королевами,
веря собственной удаче.

вк вздох, затишье после боя,
в самый раз мечтать о кухне.
опытка дорогого стоит,
ль на кону надежда рухнет.

в предвкушении реванша
искнет король, доверясь слепо
таке храброго Маршалла,
зага желая сжить со света.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Загородили, понастроили
И перекрыли все пути.
Свои могилы я, расстроенный,
Так долго не могу найти.

Сирень снежком бросает в лица,
Цветы весной ликуют тут.
И умереть или жениться —
И что за цель и что за труд.

Хлопочут женщины спесивые
Среди надгробий дорогих,
И молодые и красивые,
Как свежи голоса у них.

Не узнаны, не узнаваемы,
На этой ярмарке спешим,
Вином стаканы наполняем мы
И улыбаемся живым.

ЧНЫЙ ГОН

я след журавля в небе,
азываясь от синицы,
еха вкуса раз отведав,
жизнь идем за Синею птицей.

только жар в крови остынет,
чу схватишь за бока,
вится с косою постылая
в Кинешму, хоть в Абакан.

НАСРЕДДИН В БУХАРЕ

Тонул Джафар когда-то в Бухаре,
В покрытом ряской водоеме.
Тут объявился, как на грех,
Гонимый роком неумным,

Ходжа в заплатанном халате,
Шепча стихи из «Гулистана»
О той, кого любил когда-то,
Не разлюбив на расстоянии.

«На!» – подал руку бедолаге.
«Давай! Давай!» – кричали люди,
Поэта не узнав в бродяге,
Мечтающим каким он будет.

Брать куда легче, чем давать,
Как это часто многим кажется,
И очень важно различать
Не только чопорным красавицам.

А все стихи уже написаны,
А все красавицы целованы,
И все достоинства неписанные
Не удостоят гроша ломаного.

Ростовщика спасешь из омута –
Назавтра о тебе не вспомнит.
Но снова нужен ты кому-то,
И счастье для тебя неполно.

ЗВАЛ

обедой — обвалом Слова
назвалах пыльных книжных груд
томик графа Льва Толстого
лушки медной не дают.

и годы потеряли даром,
каждый выпал недород.
игу Белинского в подарок
жик с базара не несет.

медали клятвы и заветы,
спрос диктует предложение.
ким чужим холодным ветром
носит дым сданных сражений.

ответе каждый и всем скопом,
о неучей ряды растут.
археологических раскопках
нами Слово не найдут.

* * *

Медленно, как стихов строчки,
Прибывает вода в колодце.
Пустить бы еще лягушку –
Вода холоднее будет.

ПРОВОДЫ ЛЮБВИ

чь в гостинице застала.
 ром сколько ни смотри,
 отдал, считай, пропало
 кой Сент-Экзюпери.

олжил ее соседу.
 , уйдя в ночной полет,
 л в полет и книгу эту,
 : запретный сладкий плод.

хищение со взломом,
 ижа, что ни говори.
 енил гость незнакомый,
 дно, Сент-Экзюпери.

сватил с собой в дорогу,
 боясь людской молвы.
 запомнились надолго
 ни проводы любви.

придумав довод веский
 ржать его, несмело
 иподняв край занавески,
 ино гостю вслед смотрела.

чь в гостинице застала.
 ром сколько ни смотри,
 отдал, то и пропало
 кой Сент-Экзюпери.

ЗОЛУШКА НА БАЛУ

Миллионеры,
миллионеры
в зале пачками.
Не проверив – не поверят.
Не иначе.
Ты подарком среди них
ценным,
и сверлят они тебя
взглядом цепким.
Ярких глаз твоих свет
спорит с люстройю.
Увиваются за тобой
шустрые.
И не в сказке, не во сне--
наяву
ты, как Золушка,
одна на балу.
Муж разбил вигвам
в дальнем Лосе
и сидит он там сколько просят.
Зря растратил пыл и жар
на Джоконду.
Мерседесы ему подавай
либо хонды.
А тебя премьеры атакуют.
Где найдешь
другую такую?
И что за диво.
Все очень просто.
Коль ты красива,
за тобой ухлестывают.
Все своя родня, а не гости.
Как достала билет,
не спросят.
И не спросят,
из какой семьи ты.
За миллион
тут не найти
антисемита.
Честь оказана
родным завидная –
спят они вечным сном
рядом с Шиндлером.
И ему равны.

душка
д раввин,
еще тоже.
ротка наша жизнь.
и что же.
их тебе написать
хватит.
напишешь —
и спросят:
то ради.

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Он олимпийский чемпион,
но не научен громкой речи,
и славой, давящей на плечи,
не удивлен и не смущен.

При встрече любит повторять,
как это звание навечно.
И чемпионской силы стать
не обещает близкий вечер.

А два юнца в сквозном дворе
престижного большого дома
не видели его в игре,
накоротке с ним не знакомы.

Не знают, кто был их сосед,
ни имени его, ни званий.
Ну а на нет и суда нет,
и как бы там его ни звали.

Мы в бой идем не славы ради
и на пределе наших сил.
Так в сорок первом на параде
мороз виски нам серебрил.

* *

ум дождя за окном.
растный сирены зов.
к найти для ушей воск?

САТАНИНСКИЕ ШУТКИ

И в будни бывает праздник.
Детям радость вдвойне.
Удача бумажкой грязной
Лежала на мокрой земле.

И я несмышленишем
Протянул к деньгам руку,
Не видя, как злые детеныши
Сыграли со мной шутку.

Привязали к бумажке нитку,
Сами стали за столб,
Дергают, как наживку,
Всем чертям назло.

Тянусь к ней рукой пустою,
Бумажка скользит, как тень.
Постой, ну что тебе стоит?
Хорошо начинался день.

Не горюю и не жалуюсь,
Когда деньги бегут от меня.
Просто дергает рукой жадною,
Ухмыляясь, скупец сатана.

ЧНЫЕ ДЕМОНЫ

аились гаражи,
ежи.
нам делать?
жи.
скажи.
ругила-завела
жизнь.
меня не брани.
ржись.
прошлом
не тужи.
о не было,
о дождись.
по каплям
дит жизнь,
ак хочется
е пожить.
оди вокруг,
ежи.
согласна?
угое скажи.
, а в общем
екрасна жизнь.
не надо
о чем тужить.

КОММЕНТАРИИ

Аветисян Минас (1928 - 1975) - армянский живописец, график, театральный художник. Ушел великан, опаленный пожаром своей мастерской с бесценными творениями.

Азнавур Шарль (Варенаг Азнавурян) родился 22 мая 1924 г. во Франции, в семье армянских переселенцев. Америка объявила его «выдающимся явлением современного искусства пения». Автор более восьмисот песен. Девять из них входят в число лучших французских. «Он поет о любви так, как до сих пор еще никто никогда не пел» (Морис Шевалье). 18 мая 2005 г. великий шансонье стал почетным гражданином города Канн за выдающийся вклад в мировое кино. По результатам опроса, вместе с теннисным чемпионом и удачливым шоуменом Яником Ноа и футболистом Зинедином Зиданом вошел в тройку самых популярных людей Франции.

Арпа (Восточный Арпачай) – левый приток Аракса и донор Севана (Гегамское море). Переброска вод Арпы в озеро осуществляется посредством сооруженного под Варденисским хребтом 48-километрового тоннеля. Первый этап спасения жемчужины высокогорья - жертвы цивилизации и бездумного использования многовековых запасов воды Большого Севана на нужды орошения земель и гидроэнергетики.

Аршин мал алан - герой одноименной музыкальной классики азербайджанской музыкальной культуры Узеира Гаджибекова (1885-1948), по которой снят фильм с Рашидом Бейбутовым в главной роли (Государственная премия СССР, 1946). Ее первая экранизация осуществлена в 1917 г. акционерным обществом «Фильма».

Ашшурбанипал (Ассурбанипал) - царь Ассирии в VII в. до н.э. Известен в истории и как собиратель древних письменных памятников. Его знаменитая клинописная библиотека (свыше 30 тысяч глиняных табличек!) с древнейшим эпосом Месопотамии о Гильгамеше найдена при раскопках легендарной Ниневии.

Башинджагян Геворг (1857 - 1925) - армянский художник-пейзажист и беллетрист.

Бесики - псевдоним выдающегося грузинского поэта Бессариона Габашвили (1749 - 1791).

«**Беккер**», «Фабрика роялей Беккер» - русская фортепианная фирма. Основана в 1841 г. в Петербурге Я.Д. Беккером. В 1903

рабрику «Беккер» купил К.К.Шредер. В 1918-м национализирована и получила название 2-й фортепианной. Через шесть лет на ее основе создана фабрика «Красный Октябрь».

мбар Ален - французский исследователь и врач. В 1952 г. пересек Атлантический океан в маленькой резиновой лодке «Ересь», доказав, что потерпевшие кораблекрушение люди могут длительное время прожить в море без запасов пищи и воды.

сли - герой военной книги «Приключения Весли Джексона» американского писателя Уильяма Сарояна (1908-1981).

луа Эварист (1811 - 1832) - французский математик. Будучи осужден по ложному доносу, в ночь перед казнью исписал целую тетрадку небольшим числом весьма кратко написанных оригинальных работ, из-за новизны идей не понятых при жизни автора. Опубликованные в 1846 г. Жозефом Лиувиллем, они положили начало развитию современной алгебры и принесли ему мировое признание.

рни - крепость, с III в. до н.э. по IV в. н.э. резиденция царей Мении, с языческим храмом, построенном во второй половине I в. н.э. и восстановленном в 60-х годах XX века.

иччарди Джульетта, Брунвик Тереза - две музы Людвиг ван Бетховена (1770-1827), которых он обессмертил, посвятив Сонату лунного света («Лунная») и «Аппассионату» (Страсбургская).

гард (Айриванк) - один из самых известных монастырей средневековой Армении. После XIII века стал называться также монастырем Св.Гегарда (Св.Копья) в честь хранящегося здесь копья.

дар - небольшая речка на востоке армянской столицы; длиной около 20 километров, она отличается строптивым нравом.

олубые роги - литературная группа грузинских поэтов (1916-1930), испытавшая сильное влияние западноевропейского символизма. Среди ее представителей - Паоло Яшвили, Ицхан Табидзе, Георгий Леонидзе, Григор Робакидзе, Валериан Приндашвили и др.

ргасал (Горгаслан) **Вахтанг** - грузинский царь Вахтанг I Горгасал - прозванный так из-за изображений волка и льва на его одежде), который согласно легенде основал Тбилиси.

ан Жерас - скальная стена во Французских Альпах, место гибели альпинистов.

улистан («Долина роз») - прозаическо-поэтическое собрание произведений великого иранского поэта Саади.

уфельд Эдуард (1936 - 2002) - международный гроссмейстер, бывший тренер СССР и Грузии, журналист. Его «бессмертная партия», она же «Джоконда» с Владимиром Багировым (1973) - «визитная карточка» шахматиста-художника. Другая известная любовь, чернополый слон Гуфельда мог соперничать по популярности с лошадью Прижевальского. В начале 90-х переехал в США. 23 сентября 2002 г. скончался в медицинском центре Синай Лос-Анджелеса, не выйдя из комы после обширного инсульта.

Давидовская площадь - в старом районе Сололаки, возле нижней станции фуникулера.

Дафна - в греческой мифологии нимфа, дочь речного бога Пенея. Спасаясь от преследования влюбленного Аполлона, просила помощи у отца и была обращена им в лавровое дерево.

Двали Шалва - известный грузинский боксер-средневес, чемпион СССР 1945 г. в командном зачете. Закончив выступать на ринге, перешел на тренерскую работу, в частности, руководил секцией бокса ТГУ.

Двалишвили (Хныкина) Надежда - одна из лучших советских легкоатлеток 50-х гг. Бронзовый призер Олимпийских игр в беге на 200 м (Хельсинки, 1952) и в прыжках в длину (Мельбурн, 1956), четырехкратная чемпионка СССР, экс-рекордсменка мира в беге на 60 м, в эстафете 4x200 м.

Дориан Грей - герой социально-философского романа «Портрет Дориана Грея» английского писателя Оскара Уайльда (1854 - 1900).

Excelsior (англ. Вперед и выше!) - название баллады американского поэта Генри Лонгфелло (1807 - 1882) о юноше, который отказывается от мира и счастья и неуверенно идет навстречу верной и неминуемой гибели во имя идеи.

«Заря Востока» - знаменитая русскоязычная газета в столице Грузии, основанная в июне 1922 г. Старший бухгалтер издательства, наш ангел-хранитель добрейший Давид Алексеевич Мартирузов помнил, как выписывал гонорар Сергею Есенину, Владимиру Маяковскому, Исааку Бабелю!

Земмель - район площади Руставели в центре города, обязанный своим названием владельцу аптеки Евгению Земмелю (1858-1922), провизору немецкого происхождения. Удостоверение врачебного отделения Тифлисского губернского правления свидетельствует о том, что Земмелю Евгению Яковлевичу «тифлисским губернатором 14 марта 1899 г. разрешено открытие в г. Тифлисе на Ольгинской улице, на севере от Московской улицы и Верийского спуска вольной нормальной аптеки».

«Золушка на балу» - стихотворение написано под впечатлением рассказа моей знакомой. Будучи туристом в Израиле, она волею судьбы оказалась среди делегатов 31-го Сионистского конгресса в Иерусалиме в 1987 г.

Кашвети - древнегрузинская церковь на проспекте Руставели. В дословном переводе - «родившая камень», что связано со старинной легендой о блуднице, показавшей на Св. Давида, как на виновника ее беременности, и за свой обман разрешившейся от бремени камнем, который и был положен в основание новой церкви на месте этого

исшествия, получившей название Кашветской.

пен Марсель (1869 - 1958) - один из основателей анцузской компартии (ФКП).

o vadis? (лат.) - куда идешь?

зем - герой восточной легенды, по преданию сгоревший от любви, из стихотворения «Как Керем» турецкого поэта-эмигранта Назыма Хикмета (1902 - 1963), лауреата международной премии Мира.

роглы (Короглы) - развалины средневековой крепости в окрестностях Тбилиси, по имени героя тюркского эпоса Кероглы, «благородного разбойника», заступника вдов.

джори, Манглиси - горноклиматические курорты городской зоны Тбилиси.

рчак Януш (Генрих Гольдшмит) (1878 - 1942) - выдающийся польский писатель, педагог, врач. Погиб в газовой камере нацистского лагеря смерти Трешлинка в Варшаве своими воспитанниками из Дома сирот Шавского гетто.

сто Жак Ив - французский ученый-океанограф, изобретатель акваланга, пионер подводных исследований освоению человеком гидрокосмоса. Автор книг «В ре безмолвия» (Лондон, 1953, с Фредериком Дюма), «Живое море» (Лондон, 1963, с Джемсом Дагеном).

асточка («Первая ласточка») - художественный фильм кинорежиссера Наны Мchedлидзе по сценарию вана Челидзе о юности грузинского футбола.

ермонтовская улица - здесь все навеяно воспоминаниями о поэте, «Лермонтовский дом», в котором размещалась редакция газеты «Литературули Сакартвело» Литературная Грузия).

чаки (груз.) - вуаль.

релес - русалка-искусительница гребцов из старинной рейнской легенды, вдохновившая крупнейшего немецкого поэта XIX века Генриха Гейне (1797 - 1856) в создании поэтического шедевра, ставшего народной песней.

айдан, Сололаки, Авлабар - районы старого Тбилиси.

арани (груз.) - винный погреб.

аргиани Реваз (1916 - 1984) - грузинский поэт.

ариенгоф Анатолий (1897 - 1962) - русский поэт, один из основателей и теоретиков имажинизма; в 1919-1921 гг. дружил с Сергеем Есениным, который посвятил ему стихи «Я последний поэт деревни...», «Сорокоуст», «Прощание с Мариенгофом», поэму «Пугачев» и статью «Юлики Марии». Полный разрыв в их отношениях произошел летом 1924 г. Автор книги воспоминаний «Роман из вранья» (1927), воспринятый всеми знавшими Есе-

нина как клевета на него.

Маршалл Фрэнк Джеймс (1877 - 1944) - американский гроссмейстер, один из сильнейших шахматистов мира в начале XX века.

Матенадаран - Институт древних рукописей в Ереване.

Меджнун (Маджнун) - арабский поэт из распространенной восточной легенды о трагической любви Лейли и Меджнуна.

Медея - дочь колхидского царя Аэта, волшебница, подельница предводителя аргонавтов Ясона (Язона) в деле похищения золотого руна.

Меренблум - струнный оркестр Меренблума был популярен в Тбилиси в 30-50-е годы XX века, как престижный для панихид и похорон по высшему разряду.

Метехи - крепость и дворец грузинских царей, позже тюрьма - место заключения Горького и Камо. Сегодня от величия царского дворца сохранился храм Метехской Божьей Матери на крутом левом берегу Куры.

«Минутка» - ресторан на Севане.

Мкинвари (груз.) - Казбек, горная вершина в центральной части Большого Кавказа, край ледников и туризма.

Мтацминда (Святая гора) - с церковью Св. Давида и пантеоном видных представителей грузинской литературы, искусства и науки; с мемориальным гротом А.С.Грибоедова и его супруги, Нины Александровны, в девичестве княжны Чавчавадзе. На пьедестале памятника из черного мрамора с левой стороны надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя!» На противоположной стороне: «Незабвенному - его Нина».

Мугни Сурб Геворг (Св. Георгия Мугнийского) - армянская церковь в Тбилиси, ныне недействующая.

Мухаттверди - возвышенность к западу от грузинской столицы, отведенная под городское кладбище.

Нарикала - крепость на гребне Сололакского хребта в Тбилиси - величественный памятник древнегрузинской архитектуры.

Никала - Нико Пиросманашвили (Пиросмани) (1862 - 1918) - замечательный грузинский живописец-самоучка. Герой хита Раймонда Паулса и Аллы Пугачевой «Миллион алых роз» на стихи Андрея Вознесенского.

Норашен Сурб Аствацацин (Пресвятой Богородицы) - армянская церковь в районе старого Тбилиси, ныне недействующая.

Овнатаян - династия армянских художников шести поколений, и самый известный из них Акоп Овнатаян (1806-1881); в нем наиболее ярко проявилась творческая мощь этого рода. Один из основоположников портретного жанра в армянском искусстве.

Палимпсест (греч.) - древняя рукопись, написанная на пергаменте после того, как с него счищен прежний текст.

Папазян Ваграм (1888 - 1968) - армянский актер-трагик, прославившийся исполнением ролей в шекспировских драмах.

шина творчества мастера - его Отелло 1928 - 1932 гг. Автор «По театрам мира» (1937) и «Жизнь артиста» (1965). С их ниц встает образ актера, которого Вл.Немирович-Данченко зал одним из «очень немногих прекраснейших исполнитель-классического репертуара, которые заслуживают мировой зы».

грия Каас (Мадемуазель Блюз) - звезда современной шцузской эстрады.

сьма Ре - писательница Мариэтта Шагинян (1888-1982) еще одой девушкой вступила, по ее словам, в борьбу за Сергея манинова. В 1912 г. она пишет статью против обвинения ком-итора в эклектизме. «Я не захотела назваться и подписала свое ьмо ноткой Ре... Рахманинов обратился ко мне в ответном ьме, как к Ре, - и потом, до последней встречи нашей в июле 17 г., всегда и писал и называл меня Ре; и, посвятив мне свой анс - «Муза», поставил в посвящении Ре» («Воспоминания о рее Васильевиче Рахманинове»).

гоев Исай (1844 - 1904) - тифлисский предприниматель и ценат. Любимое его детище - домашний любительский кружок

1887 г. был преобразован в Артистическое общество, которое, к вспоминал композитор и дирижер Михаил Ипполитов - Ива-в, «объединяло в своих стенах все артистические силы Тифлиса

всех талантливых любителей как драмы, так и оперы». **емянник Исае Егоровича** - режиссер и актер **Жорж Питоев** 884 - 1939) прославил фамилию на весь мир, вместе с супру-й, **Людмилой Питоевой** (1895 - 1951), актрисой огромного рования, чью ангельскую красоту запечатлела в портрете кисть абло Пикассо. «Его несказанное мужество позволило выжить временному французскому театру», - писал о Ж.Питоеве фран-зский драматург Артур Адамов.

оло Марко (ок. 1254-1324) - итальянский путешественник.

1271 г. отправился в Китай, где прожил около 17 лет. Напи-инная с его слов «Книга» (1298) - окно в мир первых знаний зропейцев о странах Центральной, Восточной и Южной Азии. (ридуманное Марко Поло слово «миллион» с его легкой руки ошло гулять по странам и континентам.

градо - музей в Мадриде.

Гриам - царь Трои и отец Париса, который, по греческой ми-ологии, признав Афродиту победительницей в споре богинь Суд Париса), стал виновником Троянской войны и падения одного города.

Пропал мой платок... - армянская народная песня.

Прохоровка - деревня в Белгородской области. 12 июля 1943 . в ходе Курской битвы в районе Прохоровки произошло круп-тейшее во Второй мировой войне встречное танковое сражение, огда с обеих сторон участвовало до 1200 танков и самоходных орудий.

Пруст Марсель (1871 - 1922) - французский писатель, чей цикл романов «В поисках утраченного времени» с его опытом изобра-

жения внутреннего мира человека как «потока сознания» оказал сильное влияние на творчество многих писателей XX века.

Пушкинский перевал - заоблачная точка Базумского хребта, место печальной встречи двух гениев русской литературы на армянской земле в 1829 г.

Пшавия - горный район в Восточной Грузии. Родина (с. Чаргали) выдающегося грузинского поэта Важа Пшавела (Лука Разикашвили) (1861-1915).

Рембо Артюр (1854 - 1891) - французский поэт, который 17-летним пареньком пришел в Париж со стихами, рассованными по карманам потрепанного пальто и отмеченных печатью гениальности. Прослушав их, старик Виктор Гюго воскликнул: «Это Шекспир-дитя!»

Сабина, Ада, Сильвия - женские образы романов «Жан-Кристоф» и «Очарованная душа» французского писателя, музыковеда и общественного деятеля Ромена Роллана (1866 - 1944), лауреата Нобелевской премии (1915).

Сазандар - ашуг, певец-импровизатор, позже восточные музыкальные ансамбли.

Саперави - старинный грузинский сорт винограда. Из него получают знаменитые столовые красные кахетинские вина.

Саят-Нова (Арутюн Саядян) (1712 - 1795) - великий армянский поэт, творивший на трех языках народов Южного Кавказа.

Сегалович Лев - чемпион СССР по боксу 1940, 1944 - 1948 гг. в наилегчайшем весе.

Сент-Экзюпери Антуан (1900 - 1944) - французский писатель и профессиональный летчик. 31 июля 1944 г. не вернулся из разведывательного полета в район восточнее Лиона, оставив открытой им планете людей свои книги, сказав о главном, жизненно важном для него, что «уважение к человеку - пробный камень».

«Симпатия» - кабачок на Пушкинской улице, чуть ниже Эриванской (Берия, Ленина, Свободы) площади, облюбованный поэтами и художниками Тифлиса начала XX века.

«Синяя птица» - философская сказка бельгийского драматурга и поэта Мориса Метерлинка (1862 - 1949), лауреата Нобелевской премии (1911). «Если человек найдет Синюю птицу, он будет все знать, все видеть» (слова Кота).

Сиращана (Винный подъем) - улица в старой части Тбилиси, известная своими красивыми мастерскими.

Сисиан - районный центр в Зангезуре, исторической области на юго-востоке Армении.

Сольвейг - женский фольклорный образ из философско-символической поэмы крупнейшего норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828-1906) «Пер Гюнт» и сюиты к ней виднейшего представителя норвежской композиторской школы Эдварда Грига (1843-1907). Имя Сольвейг в буквальном переводе с норвежского означает: «Солнечный путь».

икс - в древнегреческой мифологии - одна из рек «подземного рства», в котором обитали души умерших.

оун Шерон - американская киноактриса, кому удалось догся места на звездном Олимпе не только благодаря обаянию расоте, но и высокому интеллекту.

лли-Прюдом Франсуа Арман (1839 - 1907) - французский эт, лауреат Нобелевской премии (1901).

бахи (араб.) - овальное деревянное блюдо; в них кинто раз-сили фрукты.

бидзе - двоюродные братья Галактион (1893 - 1958) и Ти-ан (1895 - 1937) - классики грузинской литературы, что не ерегло их от политических репрессий.

Туманян Ованес (1869-1923) - классик армянской литерату-и, «исключительный художник и глубокий поэт» (В. Брюсов), е творчество неразрывно связано с Грузией, Джавахетгией, где жил и творил (стихотворения «Грузии», «Поэтам Грузии», «У лепа Н. Бараташвили», поэма «Взятие крепости Тмук», леген-«Парвана» и др.). От Туманяна идет традиция проведения с

14 г. праздника поэзии Саят-Новы в последнее воскресенье я. Во дворе армянской кафедральной церкви Сурб Геворг (Св. оргия), в которой он был убит за молитвой при вторжении в билиси полчищ Ага-Мохаммед-хана в 1795 г. Его последние ова: «Не выйду из церкви, не отрекусь от Христа» можно очитать на могиле поэта у стены той самой церкви.

Дзо - гора в окрестностях Тбилиси.

ткин Иосиф (1903-1944) - видный представитель плеяды омсомольских поэтов 20-х гг. 13 ноября 1944 года, возвраща-ь с Западного фронта, погиб в авиакатастрофе неподалеку от осквы. Цитата приведена из очаровательной поэмы «Повесть рыжем Мотэле», написанной от лица и для сотен и тысяч бе-мьянных Мотэле, каждый из которых по мере своих сил шагал з ногу с тревожным веком».

аренц Египше (Египше Согомонян) (1897-1937) - крупнейший рмянский поэт первой половины XX века, аккумулировавший своем творчестве новейшие завоевания мировой культуры с пытом западно- и восточноармянских литератур. Трагически огиб в расцвете творческих сил, став жертвой репрессий.

йгестан (Садовая) - улица в восточной части Еревана, где в онце 40-х гг. велось интенсивное строительство индивидуальных омов армян-репатриантов.

Гихтикопи - грузинский женский головной убор.

Целли Перси Биши (1792 - 1822) - выдающийся английс-ий поэт-романтик. Смерть оборвала его творчество в самом асцвете. Катаясь на лодке, он был застигнут бурей и утонул. ело Шелли, прибитое к берегу волнами, было предано сожже-ию Байроном и еще несколькими друзьями, совершившими тот погребальный обряд. Сердце поэта покоится на кладбище ; Риме. На надгробном памятнике друзья начертали слова: «Сердце сердец».

Ширванзаде Александр (1858–1935) - псевдоним народного писателя Армении Александра Мовсисяна.

Элибекяны – семья потомственных художников, моих родственников. Глава семьи Вагаршак Арутюнович многие десятилетия был директором и сценографом Тбилисского армянского драматического театра. На 63-м году жизни вернулся к своему истинному призванию – создал серию картин и миниатюр, живописную симфонию старого Тифлиса, хронику его народного быта и ландшафта. Вместе с супругой, Флорой Ервандовной, воспитал и дал миру искусства двух сынов – выдающихся армянских художников (с 70-х годов семья живет на исторической родине) – Генриха Элибекяна, моего одноклассника по знаменитой тбилисской 43-й школе, и Роберта Элибекяна, который в прошлом году отметил свое 65-летие. Персональные и совместные выставки трех Элибекянов состоялись в Грузии, Армении, России, США, Канаде, Англии, Франции, Германии, Италии, Голландии, Австрии...

Яшвили Паоло (1895 - 1937) - грузинский поэт, друг и соратник Тициана Табидзе по литературной группе «Голубые роги».

ОДЕРЖАНИЕ

. Квитаишвили. Из прозы ушел в стихи	5
--	---

Стихотворения и поэма

UO VADIS	9
ЕСМОЛКАЕМАЯ НЕМОТА.....	10
ВТОГРАФ	11
ОЛЫЙ КОРОЛЬ	12
ВОРЧЕСТВО.....	14
ГУЗА	15
ЛОВО	16
ЫЛОЕ.....	17
ЛЬТЕРНАТИВА.....	18
ЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.....	19
ПРОНИЧНО	20
АНТЕ СЛАВИЛ БЕАТРИЧЕ.....	21
ЯД СТИХОВ ПОЗНАВ КОГДА-ТО...»	22
ВВАРИСТ ГАЛУА.....	23
СВОЙ КРЕСТ НЕСТИ.....	24
ВЕРКАЛО.....	25
ЛЕЧТА.....	26
САВИДУЮ ВЕТРУ	27
ТОНЕЦ	28
ВЫЗОВ.....	29
НУЖАЯ БОЛЬ	30
ОГНИ.....	31
ИСТИНА	32
НОЧЬ ТЕМНА.....	33
ОБ ОДНОМ ЖАЛЕЮ.....	34
ОТЦУ	35

СТАРОЕ РУЖЬЕ.....	36
СЧАСТЬЕ.....	37
МАНГЛИСИ.....	38
БРАТ.....	39
А ТЫ МОЛЧИШЬ.....	40
ГЛЯЖУ НА ТЕБЯ ИЗУМЛЕННЫЙ.....	41
ТАЛИСМАН.....	42
ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА.....	43
СОЛЬВЕЙГ.....	44
ТАК И НАДО.....	45
МГНОВЕНИЕ.....	46
ВОЗВЫШЕННОСТЬ.....	47
РАЗЛУКА.....	48
ОДИНОЧЕСТВО.....	49
СКАЗКА.....	50
«НЕ РЕВНУЙ МЕНЯ БЕЗ НУЖДЫ...».....	51
К ВНУКУ.....	52
НОВОГОДНЕЕ.....	53
КАПИТАНЫ.....	54
ДОРОГА К ХРАМУ.....	55
ТОЧКА.....	56
ЛЕТО В ГОРОДЕ.....	57
ПИРОСМАНИ.....	58
ИСТОКИ.....	59
ВЕРТИКАЛЬ.....	60
САЯТ-НОВА.....	61
В ХАШНОЙ.....	62
МАРТ.....	63
«ПРОПАЛ МОЙ ПЛАТОК...».....	64
ПЛАЧ ПО ДЕРЕВУ.....	65
РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ.....	66
СТАКАН ВОДЫ.....	67
МКИНВАРИ.....	68
ОЧАРОВАННАЯ ДУША.....	69
«САМАЙЯ».....	70
В ГОРАХ.....	71
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	72
ИМЯ.....	73

РЕДЧУВСТВИЕ ДОРОГИ.....	74
ДОЛОЙ ЛЕЧАКИ, ЧИХТИКОПИ...»	75
ИМА	76
СХОД.....	77
Е ОГЛЯНИСЬ	78
КАК ДАВНО В АРМЕНИИ Я НЕ БЫЛ...»	79
ЛИЦА ЧАРЕНЦА.....	80
ДЕКАБРЯ 1988.....	81
АРМЕНИИ	82
ГИДРОЦЕНТРАЛИ СЛАВЯ ВАХТЫ...»	83
ТАРАЯ КНИГА	84
ССИРИЙСКАЯ КЛИНОПИСЬ.....	85
ГУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ	86
ЕРГЕРЫ	87
ЮГОНЯ.....	88
ЛУЗЕЙ В СОЧИ	89
ЗЕРЧЬ	91
ПАМЯТЬ.....	92
АВАРСКОЕ ПИВО	93
ЦИНОТЕАТР В СУХУМИ.....	94
ОБЕЛИСК.....	95
ОХО ВОЙНЫ.....	96
ВОЗВРАЩЕННЫЙ АД	97
ПОЛНОЧНАЯ СТОЯНКА.....	98
ОСТРОВ БЕДЫ.....	99
ГЕНИ.....	103
ЗАКЛИНАНИЕ	104
«СВАЛИЛАСЬ ТЫ СНЕГОМ НА ГОЛОВУ...»	105
ЭКСЛИБРИС	106
БАЛЛАДА О ДРУГЕ	107
ПОДАРОК.....	108
НЕ ВЕРЬ.....	109
СЛЕПОК ЖИЗНИ	110
НАСЛЕДСТВО	111
«РАЗВОДЯТ ДРУЗЕЙ ОКЕАНЫ...».....	112
В СТЕПИ	113
НОЧНОЙ РАЗЪЕЗД	115
ЧИТАЯ ГЕЙНЕ	116

АМАДЕЙ	117
БЕТХОВЕН	118
ПЕВЕЦ	119
А ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ	120
ОСЕНЬ	121
ПЕРВАЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦА	122
ЖЕНА АЛЬПИНИСТА	123
ОБЕЩАНИЕ	124
СНОВА ТЫ	125
ВЕЧЕР	126
МОРЕ	127
ЕЛЕНА	128
МОМЕНТ ИСТИНЫ	129
ПЕСНЯ	130
ПЕТЕРБУРГСКИЙ МОТИВ	131
СЛЕПОЙ ТРОЛЛЕЙБУС	132
ЗАКРЫТАЯ ГЛАВА	133
ДЕВУШКА ЕСТ СЛИВЫ	134
ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ	135
НЕЗНАКОМКА	136
ЯСОН В КОЛХИДЕ	137
ЧУЖАЯ НЕВЕСТА	138
МАДРИГАЛ	139
«КОГДА, КАЗАЛОСЬ, НЕТ УЖ СИЛ...»	140
В ЧУЖОМ ПИРУ	141
ЮДИФЬ	142
ПРОТИВОСТОЯНИЕ	143
«ПЛАКАЛА ДЕВА В ТРАМВАЕ...»	144
НА ВОЛНЕ, КАК НА ВОЙНЕ	145
ЗАВТРАК НА ТРАВЕ	146
ПРОЗРЕНИЕ	147
«НИЧЕГО МЕЖДУ НАМИ НЕ БЫЛО...»	148
МОЯ КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ	149
СОПЕРНИКИ	150
РОМАНС	151
«КРАСИВОЙ» ЖЕНИЦИНЕ	152
«НИКТО НЕ УСЛЫШАЛ ОБВАЛА ГРАД...»	153
ВСТРЕЧА	154

Е ЗАБУДУТСЯ ОБИДЫ.....	155
ЧНЫЕ БАБОЧКИ.....	156
ЫСТРОТЕЧНЫ ГОДОВ ЛИВНИ...»	158
ВЕТ МАРИЕНГОФА.....	159
ЕНЬГИ ВСЕ ЖЕ ПАХНУТ...»	160
ИТАНИК».....	161
РОЛЕВСКАЯ ИГРА.....	163
НЬ ПОМИНОВЕНИЯ.....	164
ЧНЫЙ ГОН.....	165
СРЕДДИН В БУХАРЕ	166
ВАЛ	167
ЕДЛЕННО, КАК СТИХОВ СТРОЧКИ...»	168
ОВОДЫ ЛЮБВИ	169
ЛУШКА НА БАЛУ	170
ЦЕ НЕ ВЕЧЕР	172
ЦУМ ДОЖДЯ ЗА ОКНОМ...»	173
АТАНИНСКИЕ ШУТКИ	174
ОЧНЫЕ ДЕМОНЫ	175
ОММЕНТАРИИ	176

Арсен Левонович Еремян
АВТОГРАФ

Редактор
В.Зинина

Дизайн
А.Еремян
Д.Элбакидзе-Мачавариани

Технический редактор
Э.Ахсахалян

Компьютерный набор
А.Гвиниашвили
М.Мурадова

Компьютерная верстка
Д.Элбакидзе-Мачавариани

არსენ ლევონის ძე ერემიანი
ავტოგრაფი
(რუსულ ენაზე)

Еремян А.Л.
Автограф. Стихи, поэма. —
Гб., 2007. - 192с.

Арсен Еремян родился в Тбилиси, в Грузии.

Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета по специальности «русский язык и литература». Работал в редакциях газет «Вечерний Тбилиси», «Заря Востока» («Свободная Грузия») и др. и на партийной работе. Заслуженный журналист Грузии.

Книги А.Еремяна выходили в Тбилиси и Москве. Настоящий сборник- первая книга его избранной лирики.

